

Люба Левина

*В памяти эпизоды счастья. И юности.
С Грантом и его детьми.*

Люба Левина. Начало 1970-х

Новый год

Мы все под новый год уезжаем на турбазу на станции «Турист». Там – очень крутые горы. Как мы на беговых лыжах с них съезжаем и остаемся целыми, совершенно непонятно.

Падаем, отряхиваемся, катимся дальше – весело!

Поздно вечером, когда, вроде, уже пора ложиться спать, Грант командует: «Быстро одеваемся и встаем на лыжи. С собой взять кружки»!

Вываливаемся в зимнюю ночь, хохочем, пиhaем друг друга в сугробы, кидаемся снегом, стараясь попасть за шиворот. Потом довольно долго тихо едем по ночному лесу. Выезжаем на большую поляну, на ней – наряженная елка.

Грант всем нам – детям – наливает в кружки по глотку шампанского.

Звезды, мороз. Волшебство! Такое могло быть только у Гранта!

Дагестан

Большой поход: Махачкала – Дербент. Помню очень хорошо все эти аулы, которые сейчас чуть ли не каждый день звучат в теленовостях в связи с терактами, боевиками, зачистками.

Как нас, детей из Москвы, тогда встречали! Невероятно!

Жарко, идем в шортах. На подходе к населенному пункту – команда Гранта (больше нигде такой от него не слышала): «Надеть штаны»!

Переодеваемся, уважаем местные обычаи.

Один раз ночуем не в ауле, а на небольшом плато посередине маршрута.

Теплая ночь, и Грант распоряжается не ставить палатки, а расстелить их на земле.

Убираем самые большие камни, укладываемся. Над нами – огромное звездное горное ночное небо. И звезды огромные. И они падают...

Такое тоже – только у Гранта!

Селигер

Я всех пытаю, ну, помнит ли эту ночную переправу хоть кто-нибудь? Это же невозможно выдумать! Ладно, напишу, как помню. Если совру – поправьте.

Селигерский поход заканчивался, нужно возвращаться в Осташков, а оттуда – в лагерь.

Грант договорился со взрослыми туристами, которые стояли где-то рядом с нами на Хачине, и забрал у них целую флотилию байдарок, лодок и большой, похоже, самодельный катамаран (или их было даже два?).

Теперь представьте: ночь, озеро тихое, по нему плывет похожий на большой плот катамаран, на котором – битком – мелких с имуществом и рюкзаками.

С двух сторон от катамарана по четыре-пять байдарок. Мы в этих байдарках по трое. Ребята в первой от катамарана байдарке держатся за него руками и держат вторую байдарку, вторая байдарка держится за первую и за третью и т.д.

Плывем долго, засыпаем, будим друг друга. Нельзя отпустить руки: потеряем соседнюю лодку. Селигер – серьезное озеро.

Сейчас думаю: как же повезло, что не было дождя и сильного ветра. Спас. жилетов тоже не было. Но мы были с Грантом – с нами ничего не могло случиться.

Наряды вне очереди

Многие терпеть не могут чистить картошку. Я могу без всякого раздражения начистить, сколько угодно.

Чистильщики картошки. Справа – Володя Воронский и Надя Малиничева

Это было так весело, когда на кухне в лагере собирались «нарядники» и хохотали над этой картошкой! Мне в основном, доставалось за болтовню и хихиканье в строю. Это – трудовое воспитание погрантовски.

Курица

Волжский поход. Мы с Маринкой Грачевой – дежурные. Нам по двенадцать лет.

Грант где-то в деревне раздобыл кур и выдал в каждую группу по штуке. Курицы без голов и перьев, все остальное у них на месте. Надо как-то из них получить суп и разделить на всех.

Задача сложнейшая. В курице – какие-то

Люба Левина и Толя Самощик. Лагерь. Начало 1970-х

анатомические вещи, кишки что ли? Задумываемся. Решаем так: все, что нам не нравится, нужно выковырять и похоронить.

Долго ее, бедолагу, кромсаем. Потом, постепенно все глубже и глубже заходя в Волгу, моем снаружи и изнутри, наливая волжскую водичку в куриный живот и выливая ее из шеи, поднимая несчастную высоко над головой.

Погода прекрасная, куриное купание продолжается больше часа. Красота!

Тем более, все помнят, как мало нам удавалось в наших походах купаться, хотя, вроде, все время рядом были какие-то водоемы.

Потом кто-то из старших нас из воды все-таки турнул.

Когда обед был сварен и разлит по мискам, Женя Ернылев, командир, строго спросил, где же пупок?

Где-где, все внутренности похоронены! Они же кишки!

Потом, в Москве, бабушка объяснила, что пупком называют желудок, и его едят.

Это – грантовская кулинария.

Москва, декабрь 2015

Шейнина (Левина) Любовь Викторовна

В 1978 году закончила Московский полиграфический институт, механический факультет. Работает в полиграфии.

«К Гранту я пришла сразу в мартовский поход 1968 г. Мне было 11 лет. 12 исполнилось только в конце июня. Было тяжело, но я сразу влюбилась во всех и во все.

Последнее лето с Грантом – 1972, Дагестан. 1973 – десятый класс. После школы уже с ним не ходила».

* * *

Оля Оленева (ныне Сабинина)

Оля, большое спасибо, прочитала с удовольствием. Хорошо помню переход на катамаранах через Селигер и самый вкусный белый хлеб с вологодским маслом (батон, разрезанный вдоль), который Грант привез нам, весь день ничего не евшим. И еще на всю жизнь запомнила, как мы потрошили этих пресловутых куриц – вытаскивали куриное нутро и мыли их в Волге, а несколькими метрами выше по течению кто-то столь же неутомимо мыл кеды...

И еще одна краткая история: решили мы наливку из вишни сделать. Насыпали в банку вишню, сахар, может быть, даже дрожжи где-то раздобыли, воды добавили и спрятали все это под раскладушкой в нашей солдатской многоместной шатровой палатке в лагере. Через пару дней Грант инспектировал порядок в палатках, заглянул под заветную раскладушку, увидел банку и поинтересовался, почему продукты под кроватью. И тут банка "бомбанула» у него в руках, и

Лена Гунбина и Оля Оленева. Конец 1960-х

недозрелая наливка выстрелила в воздух. Грант поинтересовался, что это... А мы, хоть и парализованные страхом, стали его уверять: «Компот. Просто компот»! Ругать он нас не стал, но банку конфисковал. Инцидент был исчерпан...

Ну, вот – нахлынули на меня воспоминания. А кто-нибудь помнит тучи комаров, и как мы их в столовке били по несколько штук одним ударом и пытались набрать тысячу. Ходила легенда, что однажды группа набила как раз тысячу, так как за них полагалось не то три рубля, не то десять, а потом три дня инструктора этих комаров пересчитывали, чтобы все было по-честному. Но по прошествии времени, я думаю, эта история сродни «продуванию» макарон.

И почти последняя история про поход в Гусь-Хрустальный. Мы ночевали в палатке на снегу и с

печкой, около которой всю ночь дежурили по очереди мальчики. А дрова были сосновые, печка забилась сажей, и все закоптились, стали, как черти, и друг друга не узнавали.

Действительно время было счастливое. И закалка на всю жизнь.

Конец января 2018 г.

Михаил Голосовский

Лучшие лета нашей жизни

Я попал к Гранту Александровичу Генженцеву восьмиклассником и провел в его туристском лагере два года, что во многом сформировало мой характер и наложило отпечаток на дальнейшую судьбу. Хочу поделиться воспоминаниями о нашем тур. клубе «Дети капитана Гранта» и о самом Гранте и понять, как он сумел так ненавязчиво нас воспитать.

Моя первая смена в лагере

Родители никогда не отправляли меня в пионер. лагерь, поэтому никаких аналогий не возникало. Я просто смотрел на все, раскрыв рот, и восхищался.

Июнь 1970 года. Мы, семеро одноклассников, приезжаем в туристский лагерь на Сходне. Смена уже началась. Нас встречает пожилой, слегка прихрамывающий человек с большими изучающими глазами, внимательно рассматривает, немногословно объясняет, что нас ждет в лагере, извиняется за то, что не может определить нас вместе, – все уже сформировано – и раскидывает по трем группам.

Наше положение в лагере своеобразно. По туристскому опыту мы – новички, а по возрасту – ветераны. К нам, «переросткам», Грант относился очень тактично, понимая наше двойственное положение.

На второй день Грант созвал нас семерых – осведомиться, как мы вписались в жизнь лагеря, и объявил: сегодня вечером все выступают в ночной поход на Клязьму. Причем подчеркнул: мы первые получили эту важную информацию – мы же уже взрослые и не будем трубить о новости на всех перекрестках. Думаю, Грант хотел, чтобы мы почувствовали хотя бы информационное превосходство над новичками – ведь мы жили в палатках и выполняли все обязанности и дежурства по лагерю именно с ними, а не со «стариками».

И вот, я – в тренировочном походе на Клязьму. Ночевка в лесу. Завороженно наблюдаю, как Миша Сарайников разводит костер. Неужели школьник может зажечь костер с одной спички? Не отхожу от него всю смену, пока не перенимаю всю костровую науку этого виртуоза.

Миша Голосовский. Начало 1970-х

Помимо Миши Сарайникова, нас в лагере встретили и другие «старики», и ветераны – Витя Гуревич, Саша Штернберг, Витя Шамис, а также опытные инструктора – Саша Стальнов и Сергей Минделевич.

На следующий день возвращаемся в лагерь, и начинаются практические занятия: вязание узлов, укладка рюкзака, установка палатки. Процесс иллюстрируется легендами прошлых лет. Вот одна из них.

Однажды мой одноклассник, Саша Штернберг, – рыжий, яркий, экспансивный парень – влетел в палатку с криком «Надеюсь, тут нет ничего моего», приземлился на кучу одежды в углу и тут же обнаружил, что раздавил отцовскую гитару. Так мы учились содержать палатку в идеальном состоянии.

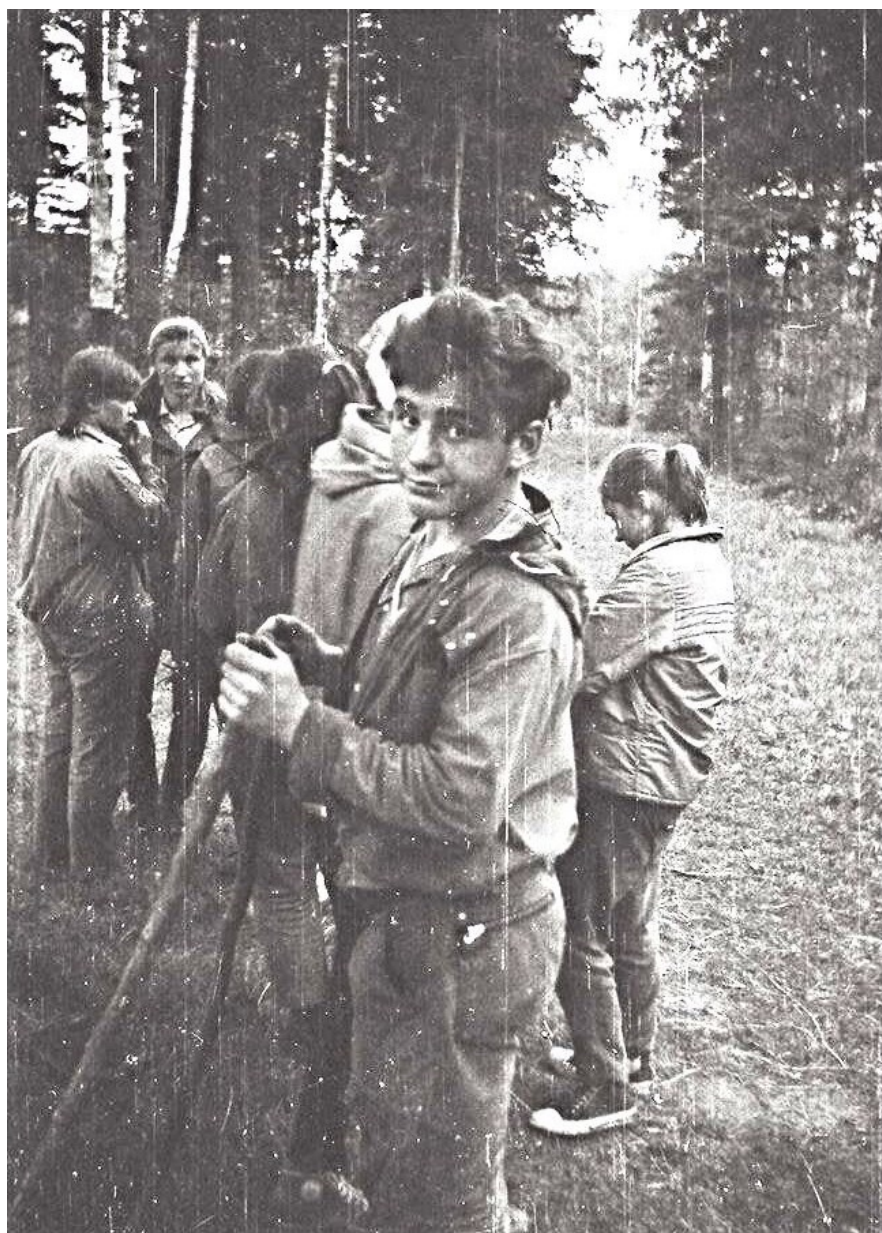
Кстати, наше двойственное положение помогало наладить вертикальные связи между поколениями и спать всех вместе. Грант придавал немалое значение тому, чтобы лагерь не разваливался на отдельные компании, и, если к нему попадали закадычные подружки, стремился определить их в разные группы, чтобы они не замыкались друг на друге.

Серьезный, многодневный поход на Волгу. Плохо уложенный рюкзак бьет по спине, и я мечтаю о привале. Начинается дождь и, кажется, – все, сейчас остановимся переждать его и, можно будет отдохнуть.

Но... на открытое место, прямо под дождь, выбегает тот самый легендарный Саша Штернберг, сбрасывает с себя рюкзак, штормовку, рубашку, и полуголый громко кричит: «Лей сильнее, лей сильнее»!

Заклинание действует – дождь удаётся заговорить, и мы продолжаем движение. Становится понятно: ветераны Гранта всеильны.

После изматывающего марша располагаемся на вечернем привале на берегу Волги в районе Конакова. Новичков принимаются разыгрывать. Розыгрыши не жестокие, как в армии, но входят в ритуал. Например, «старики» вызывают новичка и, сдерживая улыбку, поручают ему сбегать за трансмиссией к старшему инструктору Ник Санычу. Новичок не знает, что такое трансмиссия, но стесняется спросить, отправляется на поиски и... попадает.

Саша Штернберг. На заднем плане – Ира Штукина и Лена Волкова

Построение в лесу. Слева направо: Толя Самощик, командир —Таня Семина, Грант Александрович, Лена Волкова, (Саша Бельков?), Костя Новиков, Валя Шихеева, Галя Брагинская, Ира Штукина, Миша Голосовский. Начало 1970-х

Других отправляют помогать готовить ужин и дают, вроде бы, вполне разумное задание – продуть макароны, поскольку они полые и за время пути и хранения в них могли завестись жучки и червячки. Я покупаюсь и, кажется, даже получаю пачку макарон для продувки. Меня спасает Сеня Цейтлин – у него на лице такая широкая улыбка, что даже я понимаю: это розыгрыш. Третьим поручают собрать шишки для растопки самовара и отводят определенный участок. Тут смеяться ни в коем случае нельзя, а нужно подождать, пока все шишки соберут и отнесут подальше – туда, где, якобы, установят самовар. А суть вот в чем: в хвойном лесу нужно расчистить от шишек место для палаток – иначе придется спать, как

Витя Шамис, Витя Гуревич и ст. инструктор Ник Саныч Пашинин. Конец 1960-х

принцесса на горошине. Чем собирать шишки самому, можно задействовать ничего не подозревающих новичков. А шишки действительно хорошо горят и, если не для самовара, то для костра сгодятся.

Заканчивается моя первая смена в лагере на Сходне, и я жду-не дождусь сентября (родители отпустили меня в лагерь только на месяц), чтобы записаться в кружок к Гранту и научиться у него всем туристским премудростям. Весь год прилежно хожу в кружок и следующим летом, 1971 года, я уже опытный турист. В конце июльской смены новичок Саша Киреев смотрит на меня восторженным взглядом, в котором читается

уважение к ветерану. Таким же взглядом я год назад смотрел на Мишу Сарайникова. Круг замкнулся.

Сеня Цейтлин и Андрей Евдокимов. (35 английская школа)

Туристский кружок при Дворце пионеров на Стопани и лагерь на Сходне

Теперь расскажу о Гранте и его лагере на Сходне не с точки зрения новичка, а как это видится сегодня, когда мне лет больше, чем было Гранту при нашей первой встрече.

Грант организовал детский туризм в Доме пионеров Бауманского района. Весной проводил агитацию в школах, дети (которые успели заинтересоваться) приходили во Дворец пионеров на Стопани, и для них

устраивали майский поход. Те, кому этот поход нравился, отправлялись в летний лагерь на Сходню.

Как я попал к Гранту

В 1970-ом в Москве перекроили границы районов, и у Гранта получился недобор – многие школы оказались теперь в другом, Первомайском районе. Поэтому, в виде исключения, в летний лагерь попали ребята из 2-ой математической школы Октябрьского района. Произошло это так. Сеня Цейтлин и Оля Уманская уже занимались у Гранта, но их родителям хотелось, чтобы

В лесу. Слева – Женя Ернылев. Конец 1960-х

к ним присоединился бы и Саша Королев, сын их общей подруги. Они попросили Гранта принять Сашу, а заодно с ним в лагерь попала целая группа его одноклассников – и я в их числе.

Таким образом в лагере нас оказалось восемь человек из одного класса, включая Сашу Штернберга, который к тому времени уже стал грантовским ветераном. Грант испытывал к нам какое-то особое уважение, поскольку в его районе математических школ не водилось, и, как вести себя с нами, рафинированными интеллигентами, было неочевидно.

И вот, в родительский день, когда лагерь посетил отец Гали Брагинской, известный физик, Грант попросил его прочесть лекцию по физике. Stanislaw Иосифович рассказывал о термодинамике, о тепловых машинах, о теореме Карно... По-моему, никто ничего не понял, но именно поэтому его науку зауважали.

Оля Уманская

Галя Брагинская и Саша Бахмутская

Однажды мы собрались на туристском слете на Протве, где проходили соревнования по ориентированию. Грант позвал меня и Мишу Беляева, дал компасы, и попросил поучаствовать. Мы не умели ориентироваться по карте и попытались отказаться, но он убедил нас, что ученики математической школы способны разобраться на месте в таком деле, – так он в нас верил. Однако мы очень быстро заблудились. Все-таки туристским навыкам надо учиться.

Как функционировал лагерь

Как лагерь функционировал с финансовой точки зрения, для меня всегда оставалось загадкой. Родители платили за месячную смену невероятно мало – 18 рублей. Эти деньги по идее уходили на еду, на железнодорожные и другие расходы. На железнодорожных билетах экономили: когда группа ехала на поезде, инструктор брал на всех детские билеты до ближайшей станции. Таким образом, формальности были соблюдены, и мы получались уже не зайцы-безбилетники. Если появлялся контролер, он быстро отступал при виде двух десятков младших школьников под предводительством девятиклассника.

На еду денег не разбазаривали, покупали самое простое – супы, компоты, каши.

Клубника

Но... однажды Грант привез из города клубнику – деликатес по тогдашней жизни. На каждого выходило по одной-две ягодке. Клубнику вымыли, положили в большую миску и пустили по кругу – без предисловий. Представьте себе, как мы выбирали эту свою ягодку, – вроде, надо выбрать какую получше, но с другой стороны, а что тогда достанется последним? А как иначе? Не выбирать же худшие ягоды! Когда все съели, Грант объяснил нам свою логику. Он никого не критиковал, а предложил брать пример с Аллы Штукиной – она доставала клубнику, не глядя. Я хорошо запомнил этот урок, с тех пор так и поступаю.

Слева направо: Алла Штукина (командир группы), Володя Воронский, Игорь Шугинин, Миша Оглоблин («Отец Оглоблин») и Дима Зеленко

Ложка

Общая посуда не предусматривалась. Привозили из дома подписанные миску, кружку, ложку и сдавали в общий котел на кухню. Когда выступали в поход, забирали свою посуду и сами о ней заботились. Вспоминается связанная с посудой забавная история.

Инструктор Толя попал к Гранту сразу после армии и со скрипом вписывался в жизнь лагеря. Раз в смену устраивали родительский день, и однажды кто-то из родителей привез мелкокалиберную винтовку. Толя решил всем продемонстрировать, какой он замечательный стрелок, поставил в качестве мишени свою деревянную ложку и выстрелил в нее с довольно большого расстояния. Он действительно был метким стрелком и попал в цель. Попасть-то он попал, но его ложка после этого превратилась в дуршлаг. А запасных

ложек ни у кого не нашлось. Так снайпер Толя стал героем туристского фольклора.

Учеба, дисциплина, самостоятельность

Грантовский лагерь сочетал в себе лучшие черты пионерского лагеря и армейской базы новобранцев. С одной стороны, как в пионерском лагере, у нас проходили линейки, поднимали и опускали флаг; на линейках отмечали тех, кто особенно отличился за предыдущий день (я удостоился такой чести только в свой второй год). С другой стороны, как в армии, царила строгая дисциплина, мы получали наряды на работу... Однако дедовщины не было.

Наоборот, «старики» опекали новичков. Во время моего второго лета у меня появился подопечный шестиклассник, с которым у меня никак не складывались отношения. Своенравный, непослушный, все он делал наперекор – ну, никакого сладу. Однако Грант разглядел в нем личность и взял в августовский поход. Это был Андрей Дудинов. Впоследствии он стал одной из ключевых фигур в лагере.

Вообще, самостоятельность приветствовали. И, хотя предполагалось, что старшие будут опекать младших, все-таки проблемы приходилось решать самому. Дома у нас не обнаружилось спального мешка, и мама дала мне, вместо него, шерстяное одеяло. Так, в мою первую смену я оказался без спальника. После пары холодных июньских ночей понял – больше не выдержу и сшил из

Андрей Дудинов. 1975 г.

одеяла спальник. Благо, бабушка научила меня шить, да и школьные уроки труда не прошли даром. (Для сравнения: сегодня мои шестнадцатилетние сыновья, как, впрочем, и большинство их сверстников, не в состоянии пришить оторванную пуговицу.)

Купальщицы

Наказания существовали, но все понимали — они обоснованы. Вот характерный эпизод.

Однажды в самом начале июльской смены мы ушли в тренировочный поход на Клязьму с ночевкой в лесу. На вечернем привале две старшие девочки пошли купаться на Клязьму. Помнится, я испытал шок, увидев, как две подруги дефилируют через весь палаточный лагерь в мокрых купальниках, демонстрируя свою независимость. Значит, все можно? Очевидно, Грант почувствовал всеобщее настроение раскрепощения и разложение, которое может за этим

последовать. На следующий день, по возвращении в лагерь на Сходню, Грант молча отправил двух подружек домой без публичных разборов. Я едва знал этих девочек, но очень их пожалел — покинуть лагерь в самом начале смены! К тому же шла их последняя смена — на следующий год они уже поступали в институт.

Однако все осознали необходимость такого жесткого решения, и дисциплина сохранилась. Девочки как-то пережили обиду и продолжали потом приходить на «арбузники».

Построение в лагере на Сходне. Слева направо: Женя Ернылев, Саша Штернберг, Ира Штукина, Лена Астанина, Света Брайловская, Юля Маренкова, Ира Ефимова, Женя Гальперина. Конец 1960-х

*На Селигер или Волгу. Толик Грачев, Саша Королев и Витя Шамис.
Конец 1960-х - начало 1970-х*

Влияние Гранта на учебу в школе

Родители уважали Гранта безмерно. Если ребенок начинал плохо учиться, они не решались запретить ему посещать кружок в виде наказания, а звонили Гранту. После занятий Грант беседовал с двоечником и объяснял: на следующее занятие тот должен принести дневник. Если отметки в дневнике окажутся неподобающими, можно сразу отправляться домой. Такое действовало безотказно – терять кружок не хотел никто.

Плот

Как я уже говорил, Грант ненавязчиво воспитывал в нас самостоятельность. Сейчас это трудно себе представить: любой 12-13-летний школьник мог взять топор, наколоть дров для печки, свалить дерево и порубить его на дрова для костра. Вот характерный эпизод.

В июле Грант вывозил нас на Селигер, и мы несколько дней жили там на необитаемом острове. В отличие от лагеря на Сходне, где мы были постоянно заняты, – дежурства, тренировки, туристские занятия, хозяйственные работы – на острове нам предоставлялась полная свобода, поскольку руководители считали: никакая опасность не угрожает нам вдали от соблазнов цивилизации.

Три умельца – Саша Питаев, Витя Райкин, и я – решили сделать плот и покататься по озеру, благо

плотничать мы у Гранта научились вполне. И благоразумно не сообщали никому о своих намерениях, полагая: хотя все, что не запрещено, разрешено, лучше о наших планах не распространяться. Отошли подальше от палаточного лагеря, повалили несколько сосенок, отволокли их к воде и стали думать, как их скрепить. Ну, точно, Робинзоны.

Обошли весь остров и на берегу нашли прибитую волнами досточку. Нам удалось извлечь из нее четыре ржавых гвоздя, ими скрепили по углам каркас плота, остальное решили связать веревкой, выпросив ее у инструкторов, причем, старались по возможности уклониться от объяснений. Весла вырубili топором из цельных сосновых стволов. Два палаточных штыря пошли на уключины. После двух или трех дней работы получился одноместный плот, и мы по очереди на нем катались.

Наша деятельность не осталась незамеченной. Как-то Галина Гавриловна, мама Любы Левиной и жена старшего инструктора Ник Саныча (Николая Александровича Пашинина), увидела, как мы строим плот. Она с нами поговорила на светские темы, как со взрослыми, ни словом не упомянув о возможных опасностях такого предприятия и, как выяснилось впоследствии, никому не сообщила о нашем проекте, а он действительно был сопряжен с немалой опасностью – ведь плот мог развалиться посреди озера.

По словам Любы, Галина Гавриловна была женщина отчаянная, и, наверное, наша деятельность ей импонировала.

Как оказалось, инструктора, у которых мы выпросили веревку, заподозрили что-то неладное и в тайне за нами приглядывали, но, также, как Галина Гавриловна, не сообщили руководству – наверное, грантовское

воспитание прививало, помимо всего прочего, и нелюбовь к стукачеству.

Когда плот был готов, мы перегнали его из «верфи» в соседний укромный заливчик, опасаясь, что его могут украсть.

Не обнаружив плот в обычном месте, инструктора Витя Шамис и Саша Королев решили, что мы уплыли далеко и не можем вернуться, но не стали бить тревогу и обращаться к Гранту, а начали действовать самостоятельно: достали где-то лодку и поплыли по озеру – спасать нас. Долго искали, не нашли, а, когда вернулись, обнаружили нас в палаточном лагере живыми и здоровыми. Нас они ни словом не укорили. Гранту тоже ничего не сказали, и я узнал об этой самоотверженной спасательной операции лишь много лет спустя.

*Витя Райкин (в центре), справа от него – Саша Киреев.
Занятия кружка во Дворце пионеров. 1970-е*

Саша Питаев. После родительского дня. Родители уехали,
баранки остались

Покидая остров, мы, естественно, оставили плот там,
а вот, весла прихватили с собой, на память. Помню, с

каким удивлением Грант на нас смотрел, когда мы шагали к пароходу с цельно-выточенными сосновыми веслами. Стало очевидным – никто не докладывал ему о нашем опасном начинании; хотя многие о нем знали, все предпочитали действовать собственными силами. Более того, глядя на весла, Грант, по-видимому оценил наши плотницкие способности. Во всяком случае, когда мы вернулись в лагерь, он поручил мне и Юре Базилевичу отремонтировать скамейку перед его домиком. За полдня мы фактически сделали новую скамейку. Приятно сознавать, что после тебя в лагере на Сходне осталось что-то осязаемое.

Иерархия, авторитет начальства и сеанс гипноза

Как двум взрослым – Гранту и Ник Санычу – удавалось держать в узде целый лагерь (80-100 человек подростков), трудно понять даже сейчас.

Но очевидно одно – Грант обладал необыкновенным даром; от него исходили флюиды, они-то всех и строили. Но в обычном смысле все держалось на иерархии. Лагерь состоял из новичков (12-13 лет), стариков (13-14 лет), и ветеранов (15-16 лет). Первые набирались опыта и считались рядовыми, «старики» составляли костяк – из них отбирали командиров групп и их помощников.

Ник Саныч (справа в кепке) и инструктор Саша Стальнов (на заднем плане слева от Ника). Сейчас этот юный грантовец полетит в обвязке, на карабинах, над карьером...

Бум. Тренировка равновесия. Тонкий конец бревна (ближе к нам) не закреплен. Спinoй к нам, слева, – Женя Гальперина, справа – Саша Стальнов (в белой пилотке), лицом к нам, слева, с косой – Оля Оленева. 1968 г.

Инструкторами работали ребята после армии или, в виде исключения, особо опытные ветераны, чей авторитет не вызывал сомнений. Командирами групп назначали старших школьников, часто девочек – их слушались охотнее, причем, у мальчиков почему-то не возникало желания бороться за лидерство. Но все же, авторитет начальства надо было поддерживать и культивировать. Вот две характерные истории на тему.

Витя Шамис рассказывает: в июле, когда лагерь отправлялся на Селигер, каждая группа получала свой маршрут, карты, кроки и шла самостоятельно. Все встречались на ночном привале. Однажды группы получили неправильные кроки, заблудились, и ночевали сами по себе. Одна группа даже попала в дебри, без воды, а из еды у них оставалась одна селедка.

На маршруте. 1968 г.

Потом все как-то встретились, но вину возложили на инструкторов и командиров групп – среднее начальство еще может ошибаться, но высшее – непогрешимо. «Стариков» сместили с должностей и сформировали из них отдельную группу. По возвращении в лагерь организовали спортивные состязания – полосу препятствий: преодоление карьера, прохождение кочек, постройка палатки, укладка рюкзака и костер – все на время.

Группа «стариков» бежала в полном составе против других сборных групп (по 7 человек) и выиграла. «Старики» себя реабилитировали, восстановили свой авторитет.

Ковбой Саша Стальнов за работой

*Полоса препятствий. Карьер. Конец 1960-х-начало 1970-х.
Слева – Таня Семина и Галя Брагинская*

Полоса препятствий. Костер. Конец 1960х – начало 1970-х

Полоса препятствий. Кочки. Женя Ернылев. Родительский день

А вот другая история, свидетелем которой был я сам. Однажды мы стояли лагерем, кажется на Волге. На вечер назначили что-то особенное, и все группы весь

день собирали дрова для костра. Сложили гигантский костер, три метра высотой. Наверное, на него ушло несколько кубометров дров. А когда лагерь собрался на церемонию, которую планировали начать с зажигания костра, пошел дождь.

Назначенный костровой не смог разжечь костер, его сменил более опытный турист, но тоже потерпел фиаско. Грант и Ник Саныч благоразумно стояли в стороне и не вмешивались.

Конечно, каждый из нас смог бы разжечь небольшой костер под дождем – этому нас специально учили, но зажечь огромный костер оказалось не под силу никому. Церемонию скомкали и нас отпустили по палаткам. С одной стороны, мы были рады – никто не хотел мокнуть под дождем вокруг негорящего костра. С другой, мы все-таки ожидали от грантовских ветеранов сверхъестественных способностей, а они оказались обычными людьми.

Не исключено, что Грант уловил наше настроение, и на следующий день, когда дождь прекратился, созвал всех на пригорок, сам встал внизу, на всеобщее обозрение, и сказал, что сейчас мы увидим сеанс гипноза – он загипнотизирует любого: мы сами можем выбрать, кого именно.

Выбрали Надю Николаеву. Грант провел над ней какие-то пассы, и она превратилась в сомнамбулу; с невидящими глазами выполняла все его команды, ходила направо-налево, собирала несуществующие цветы, и т.п.

Когда Грант ее расколдовал, она ничего не помнила. Все были поражены. Мы давно уже заметили, что у Гранта – магнетический взгляд, но такого невероятного качества, как гипноз, не ожидал никто. В общем, авторитет начальника лагеря вновь поднялся на недостижимую высоту.

1974 год. Виталий Сапогов (слева), в центре — Надя Николаева, рядом с ней — Таня Хованова, впереди — Маша Скаткина.

"В речке–Каменке бьются камни"

В лагере на Сходне я, да скорее всего, и многие другие, впервые познакомились с туристскими и бардовскими песнями. Грант эти песни очень любил и всякий раз, когда шел дождь и мы не знали, чем заняться, все собирались на веранде, служившей столовой, освобождали место для гитариста, ставили возле него стул для Гранта и все вместе пели туристские песни.

Витя Шамис и Витя Гуревич

Начинали с «Баксанской», по-видимому, любимой песни Гранта, потом заводили «Я не знаю где встретиться нам придется с тобой», «Люди идут по свету», песни Визбора («Шхельда», «Лыжи у печки

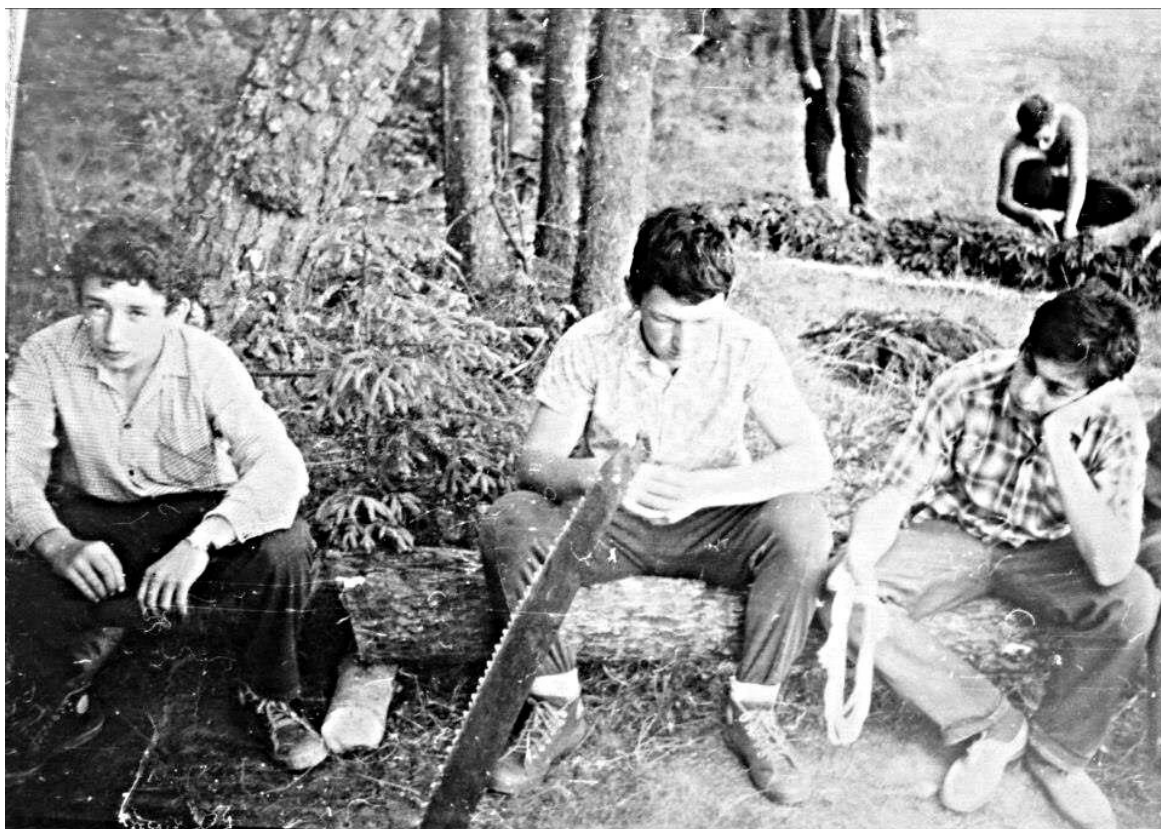
стоят»), Городницкого («По мерзлой земле мы идем за теплом», «Деревянные города», «От злой тоски не матерись»), песни Кукина про тайгу и туманы, и многие другие. Грант всегда отдавал предпочтение песням, которые мы пели хором, (а «Печору» даже выводили на два голоса), поэтому песни как бы получались безличными и имен авторов никто никогда не упоминал.

Возможно, существовало негласное мнение – опытный турист должен знать наизусть и песни, и авторов. Стесняясь обнаружить свою безграмотность, мы втихую допытывали инструкторов, кто написал ту или иную песню. Они неохотно ссуживали информацию; все же происхождение некоторых песен так и оставалось неизвестным. По-видимому, только этим можно объяснить, как песня «Тум-балалайка» из репертуара сестер Берри попала в разряд туристских.

Эти туристские и бардовские песни здорово нас захватили – многие научились играть на гитаре. К тому же они разительно отличались от того, что мы слышали по радио и видели по телевизору, и фактически представляли собой альтернативную культуру.

Помимо песен, которые мы пели все вместе под аккомпанемент Вити Гуревича, каждый гитарист имел свой личный репертуар. Мне довелось услышать только некоторых.

Помню, как Саша Стальнов пел избранные блатные песни, Саша Штернберг – надрывные песни Высоцкого, а Саша Якобсон – ироничные песни Кима. Так нам открывалось все разнообразие авторской песни.

Сеня Цейтлин, Женя Ернылев и Саша Якобсон. Конец 1960-х

Однажды что-то оттаяло в суровой душе Ник Саныча, и он исполнил для нас малоизвестную песню Сергея Шабанского о том, как «казнили бродягу за грешные песни, крамольные песни о нашей земле». Поразило то, что Ник Саныч, которого никто не заподозрил бы в излишней чувствительности, носил в себе такую щемящую песню. К тому же, эта песня сеяла семена вольнодумства в наших незрелых душах.

Коммунист

А вот Грант вольнодумцем не был. Он был коммунистом, и коммунистическая идеология с ее Моральным кодексом, [списанным с Библии] органично входила в его цельную натуру.

Мне хорошо запомнились его политинформации в кружке – в течение всего учебного года мы ходили на теоретические занятия во Дворец пионеров, где Грант учил нас планированию походов, логистике, работе с картами и т.д., а также иногда вел патриотические беседы.

Он говорил искренне, находил простые человеческие слова, объясняя нам ситуацию в стране, в мире, и, главное, во все это верил. Его беседы резко контрастировали со школьными полит. информацией, где чувствовалось, как учитель делает над собой усилие, пытаясь убедить себя в правоте сказанного.

Причем, заметьте, это 70-е годы, двоемыслие царило только в высших эшелонах власти (там уже понимали, что из коммунистической затеи ничего не вышло), а многие рядовые коммунисты еще пребывали в блаженном неведении.

Что притягивало Гранта к коммунизму, можно только гадать. Вероятно, какую-то роль сыграло то, что коммунистическая идеология была единственным моральным компасом советского человека. А то, что ориентироваться по жизни без компаса невозможно, знает любой турист.

Послесловие

После Грантовской школы мне очень хотелось стать профессиональным туристом. В меня прочно въелась туристская романтика – костры, палатки, песни – и едва не заслонила более важные ориентиры. Я еще несколько лет видел своей жизненной целью только еще более сложные походы в еще более удаленные точки Советского Союза. Грант вовсе не ориентировал

нас в таком узком плане. Он всегда стоял выше наивной туристской романтики. Просто через туристскую практику он прививал нам человеческие

Грант проводит инструктаж в лесу. Конец 1960-х

качества, воспитывал нас не как спортсменов-профессионалов, а как достойных людей.

По-моему, у него получилось.

2015 год

Голосовский Михаил Анатольевич

Иерусалимский университет
Институт физики им. Раха
Исследователь
Кандидат физико-математических наук
Маале Адумим, Израиль

Годы в тур. кружке у Гранта: 1970–1971

*Витя Райкин, Саша Киреев, Люда Данилина, Наташа Безбородова, Катя Тимакова,
Лена Бавер, Надя Николаева. Лыжные соревнования. Начало 1970-х*

Кавказ. 1970 г. Толик Грачев

Конец 1960-х – начало 1970-х ("The Beatles". Джон Леннон – в очках, Пол МакКартни – Женя Ернылев и Ринго Стар)

Валерий Кожин

Пашинин Николай Александрович(13.04.34–
18.10.2003)

Старший инструктор Школы инструкторов туризма «Дети капитана Гранта», созданной Г.А.Генженцевым в 1946 году на базе Дворца пионеров им. Н.К.Крупской Бауманского района столицы.

*Николай Александрович Пашинин. Справа – Света
Брайловская. Конец 1960-х*

Н.А.Пашинина направили работать в тур. кружок по решению райкома комсомола от коллектива МНИИРТИ, который шефствовал над Дворцом пионеров. С приходом Николая Александровича в клуб в 1966 г. Школа окончательно перешла на рельсы спортивно-краеведческого туризма. Начали проводить сложные спортивные походы.

Ник Сан, Ник Саныч (и даже Никсон), как называли его кружковцы, более пятнадцати лет почти каждые выходные приезжал летом в лагерь на Сходне, проводил занятия, тренировки и учебные походы. Он

разработал собственную методику и готовил группы шестиклассников – они неизменно входили в десятку лучших команд Первенства Москвы по туризму среди школьников по старшей возрастной группе (8–10 классы).

Полет над карьером недалеко от лагеря на Сходне. 1968 г.

Именно под его руководством команды ставили до сих пор никем не превзойденные рекорды на туристских полосах препятствий по отдельным этапам (разжигание костра и кипячение кружки воды – 45 секунд; укладка рюкзака – 17 секунд; постройка палатки – 22 секунды).

На буме Женя Бабенко, страхует Саша Стальнов. 1970-е

*Полоса препятствий. Укладка рюкзака на время.
Вася Додонов. 1970-е*

Постановка палатки на время. Игорь Баженов и Володя Коновальцев. 1973 г.

Все отпуска Н.А.Пашинин также проводил с ребятами в походах. Эта работа считалась (да и была) настолько важна, что ему часто предоставляли дополнительные отпуска в МНИИРТИ для инструкторской работы во Дворце.

В туристскую педагогику Николая Александровича привело все течение его жизни. С четырех лет маленький Коля отвечал за младшего брата, в пять лет все лето в деревне снабжал семью рыбой, ловил ее за неимением крючка на английскую булавку. В войну, как все мальчишки, сбрасывал немецкие зажигалки с крыш московских домов. Пять лет отслужил во флоте в пограничных войсках и затем был «играющим» тренером сборной Москвы по гребле на ялах. Прошел подготовку в знаменитой школе Болдырева. Ему вообще везло на учителей – историю в школе преподавал известный академик Тарле; многое дало ему общение и дружба с первым мастером спорта по туризму в СССР А. А. Власовым. Николай Александрович постоянно учился и сам, считая, что идеальный турист должен быть доктором наук по 15 различным дисциплинам. Энциклопедические знания и жизненный опыт позволяли ему любой поход и любой разбор похода превращать в праздник.

Туризм, точнее туристскую педагогику, Николай Александрович не бросал даже и тогда, когда с возрастом стал болеть и уже не мог участвовать в регулярных занятиях групп.

Инструкторами (даже на должности старшего инструктора) в грантовской школе в разное время работало много достойных выпускников и друзей клуба, но в памяти и кружковцев, и инструкторов Николай Александрович Пашинин навсегда остался Старшим Инструктором – единственным человеком,

имевшим в ШкИТ «Дети капитана Гранта» это звание, причем пожизненно.

Ольга Слободкина–von Brömssen

Нашу книгу прочитал Саша Кузнецов, грантовец 1973–1974, и прислал мне письмо с некоторыми соображениями:

«По-видимому, только этим можно объяснить, как песня «Тум-балалайка» из репертуара сестер Берри попала в разряд туристских» – Михаил Голосовский.

«Мне это понятно: «Тум-балалайка» – песня от души и для души. Это роднит ее с туристскими песнями. И отличает от штампованной сов. эстрады» – Саша Кузнецов.

«Ни слова не нашел в Книге о главной песне Ник Саныча: «Песне старого инструктора» – Саша Кузнецов:

*Кто сказал, что я сдал
Что мне рук не поднять
Что я с песней порвал
Что рюкзак не собрать*

«Что притягивало Гранта к коммунизму, можно только гадать.» – Михаил Голосовский

«Для меня объяснимо. Грант родился до революции. Для его поколения коммунизм – полузапретная романтика. «И комиссары в пыльных шлемах склонятся молча надо мной». А ведь Окуджава 1924 г. рождения – на 11 лет младше Гранта"! – Саша Кузнецов.

(А я думаю, Гранта притягивали моральные постулаты коммунизма, которые он воспринял и воплотил в той среде, в которой он мог что-то решать и творить. – О. S.-von B.)

Александр Кузнецов – бард-гитарист, исполнитель песен на многих языках, включая иврит, лауреат Грушинского фестиваля.

март 2017

Михаил Антонов

Грант Александрович Генженцев

20.1.1913–25.4.1983

"Мне не забыть той долины ..."

Эту и многие другие песни я услышал в избушке старого сторожа дяди Васи при пионерских лагерях, кучковавшихся вокруг деревни Леоново в 7 километрах от Нового Иерусалима по Мансуровской дороге.

Кругом все завалено снегом. К ночи ударил нешуточный мороз. Но нам было не страшно. Мы уже забились в жаркую от печки комнатенку.

Миша Антонов (слева). 1950-е

Грант и инструктора (Шапиро, Берендеев и Аксенов) сидели у стены ближе к печке. Мы заполняли остальное пространство. Нас много.

Желающие (не желающих не нашлось) могли отведать после ужина дяди Васиной смородиновой из кружки – по кругу.

"Эх подружка, моя большая кружка..."

Все было ново, в первый раз, однако мы уже чувствовали себя «посвященными». Инструктора в брезентовых штормовках с абалаковскими рюкзаками казались богатырями.

Наш путь нам тоже открылся – высоким лысоватым человек во фланелевом лыжном костюме: брюки-шаровары, у щиколоток на пуговице, куртка на молнии, с большими карманами на груди и кокеткой на спине.

Это был крупный мужчина, с крупными чертами лица – крупным носом, крупными ушами, огромными, внимательными, «с поволокой» карими, немного на выкате, глазами.

Таким его запомнили все наши сверстники, ученики 6-х классов всех школ тогдашних Красногвардейского и Бауманского районов Москвы.

В сентябре-начале октября, как мы узнали позже, он ежегодно совершал такой обход: заходил на уроке в каждый класс в сопровождении завуча или директора школы и говорил всего несколько слов: «Вам надо быть на занятиях туристического кружка при Доме пионеров там-то и тогда-то».

Его облик и деловитость не оставляли места сомнению. Шли все. До конца ноября каждый день в несколько смен он втолковывал нам, двенадцатилетним мальчикам и девочкам, что такое азимут, как ориентироваться на местности, сколько крупы сыпать в какую кашу и что делать, если вода есть только в придорожной канаве...

Грант Александрович Генженцев

Таких, кому это было совершенно неинтересно, оказывалось очень мало. Некоторые с любопытством раздумывали, что будет дальше. Некоторые понимали сразу: это их жизнь.

Я, например, знал, что будет дальше, и с нетерпением ждал. Мой старший брат, заядлый турист, уже брал

меня однажды на майские праздники в байдарочный поход на Истринское водохранилище.

А сейчас все готовились к первому лыжному походу от станции Горенки до конечной остановки троллейбуса в Измайлове.

До похода в Горенки по первому снегу дозанимались почти все. Даже толстая скрипачка из нашего класса Ида Ковалева.

В конце ноября снег в те годы уже ложился до конца зимы. Как Грант успевал провести всех через этот поход – загадка.

В середине 50-х простые деревянные лыжи с полужесткими креплениями и ботинками имелись далеко не у всех. В каждый поход он выдавал с вечера чуть ли не сотню пар лыж.

Столпотворение на Покровке в Доме комсомольца и школьника творилось ужасное. Наконец все построились с лыжами для последней проверки.

Кладовка была пуста, не считая сломанных лыж и палок и обгоревших на костре разнопарных ботинок неизвестного размера.

Я оказался без лыж. Катастрофа. Не пойти уже не мог. Но больше всего клял себя за нерасторопность, за нерешительность, за то, что, как всегда, мямля. И мучился неразрешимым противоречием: ведь с другой стороны, если бы мне достались лыжи, не достались бы кому-то другому.

Грант был холоден: «Ищи». Я не помню, кто мне помогал. Мы еще раз перебрали всю кучу хлама. Нашлась пара, в которой левая лыжа была сломана весьма странным образом. Имярек ткнул, наверное, в нее палкой и в середине передней части образовалась дыра, как ушко в иголке. Часть этого «ушка» надломилась и висела на одном конце.

Лыжный поход. 1950-е

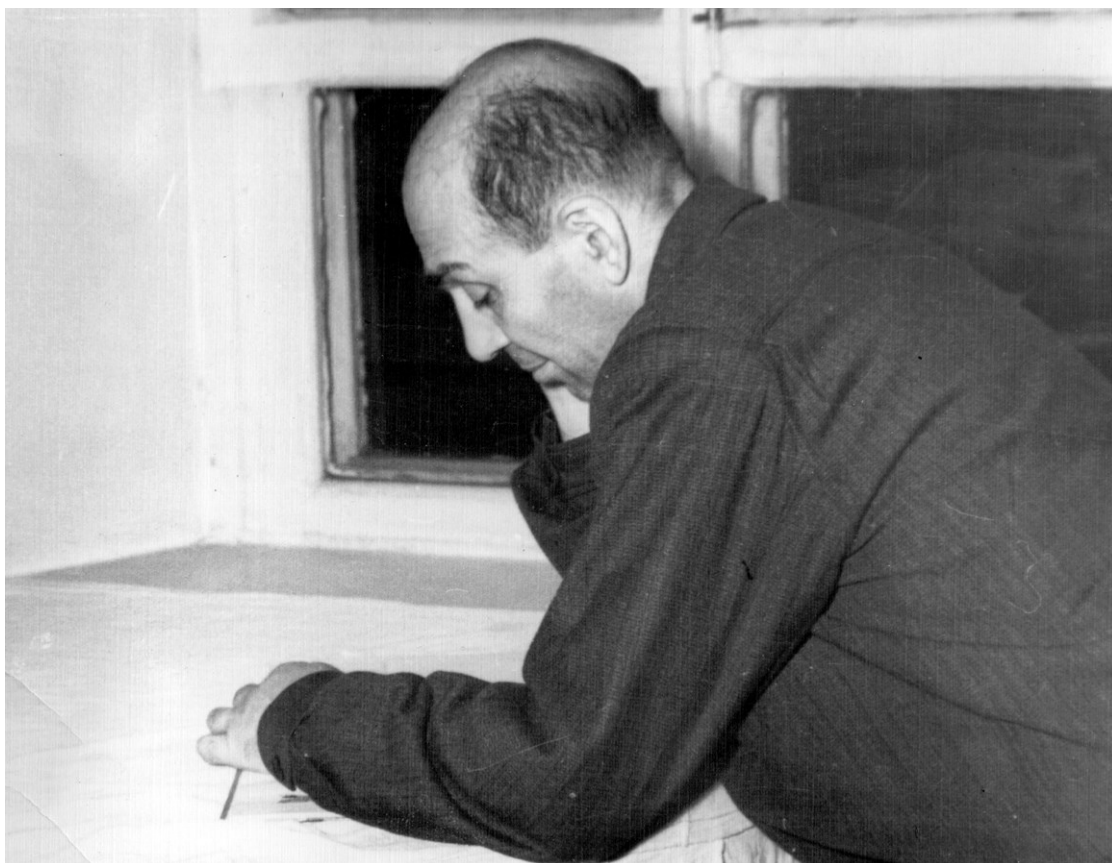
Я был счастлив. Отваливавшийся кусок примотал бинтом. В середине пути бинт сбился, кусок отвалился окончательно. На этой лыже, на каждом шагу поднимая фонтан снега дыркой, проковылял до конца.

На троллейбусном кругу в кромешной темноте, замерзшие и голодные, сидели мы в троллейбус.

На следующее занятие нас пришло «гораздо меньше». Из класса оставалось человека 3-4. Грант свел всех нас в несколько групп – «Красногвардейцев» и «Бауманцев».

Занятия проходили на Покровке и на Спартаковской. По мере отсева, а он был, хотя все меньше и меньше, группы тасовались, сливались, образовывался костяк.

Перед моим внутренним взором – картинка нашего 6 «Б» в 333 школе, на третьем этаже окнами во двор дома 12 по Гороховскому переулку. Из окна виден мой дом. Какой был урок, не помню. А его – огромного, и рядом – крошечную Капитолину Матвеевну, нашего завуча, помню.

Грант Александрович Генженцев

Говорят, Грант стал заниматься с детьми, только-только выйдя из детского возраста. Легко представить себе, каким авторитетом пользовался этот юноша у своих подопечных. Не только авторитетом – любовью.

Были ли среди наших девочек в него влюбленные, не знаю. А вот маленькая девочка на фото слева от него – точно. *(См. фото Г.А. – пионервожатый и Светлана Петровна – девочка слева от него).*

Легенда гласит: любовь двадцатилетнего Гранта и двенадцатилетней Светы – любовь с первого взгляда. Она станет Светланой Петровной, матерью Славы и Милы. Они проживут вместе всю жизнь. Даже когда его не станет, их дом будет продолжать собирать нас до последнего дня жизни Светланы Петровны.

"Где снега тропинки замечают,

*Где вершины грозные стоят...
Эту песнь сложил и распевает
Альпинистов боевой отряд"*

Легенда гласит: капитан Генженцев воевал на Кавказе в артиллерийской разведке. Участвовал в знаменитом переходе через Клухорский перевал.

Горы он любил. С особенной теплотой вспоминал походы на Кавказ. Особенно, не скрывая, любил тех, кто был с ним на Кавказе: Аксенова, Генель, Шапиро, Соколова, Назину...

Военные годы Гранта

После войны, вернувшись к работе с детьми, Грант создал систему воспитания туризмом, через которую прошли, и это не легенда, более 4000 детей.

Формула была проста: старшие опекают младших, сильные – слабых. Быть командиром группы,

инструктором в младшей группе – ответственность. Командиры избирались, инструктора – назначались. Но и те, и другие должны соответствовать требованиям Гранта, его представлениям о чести, достоинстве, праве.

С.В. Никитина, Кронгауз В.А., Зенченко
З.А. Шапиро В.В.

*"Все мы здесь – туристы,
Приехали на Истру"*

После шестого класса все желающие могли поехать в лагерь на Истру. Жить можно было и месяц, и два. Многие так и делали. Даже по сравнению с пионерским лагерем в Подмоскowie, цена этого отдыха для родителей выходила смешная. И не удивительно – весь персонал лагеря состоял из Гранта и Светланы

Петровны. А нас насчитывалось больше 100 человек: 3 группы шестиклашек, перешедших в седьмой, одна-две группы семиклассников и группа 8-9 классы. В каждой – по 15-20 человек, порой и больше.

Шестиклашки под руководством инструкторов (звание торжественно присваивалось по заслугам) учатся ставить палатку, разводить костер и другим туристским премудростям.

Старшие готовятся в дальний поход. Состав группы будет определен открытым голосованием. Возможны отводы, возможно замещение вакансий младшими.

Толя Мельников в походе у Гранта. 1950-е

Лагерь на Истре. 1950-е

*"Много впереди путей у нас,
И уходит поезд на Кавказ"*

Оля Назина и Сережа Аксенов – наши инструктора. Они идут на Кавказ. Мы им не завидуем. Придет и наш черед. Завидуем Ире Генель. Она – из нашей группы, но точно пойдет с ними, раз Грант так решил ... Теперь мы знаем: он, как всегда, прав.

Очерк не дописан. Автор жив и прекрасно себя чувствует. А мешают ему дописать две вещи: трудности с выбором эпизодов и волнение... Ведь нет не только Гранта, но и многих дорогих друзей.

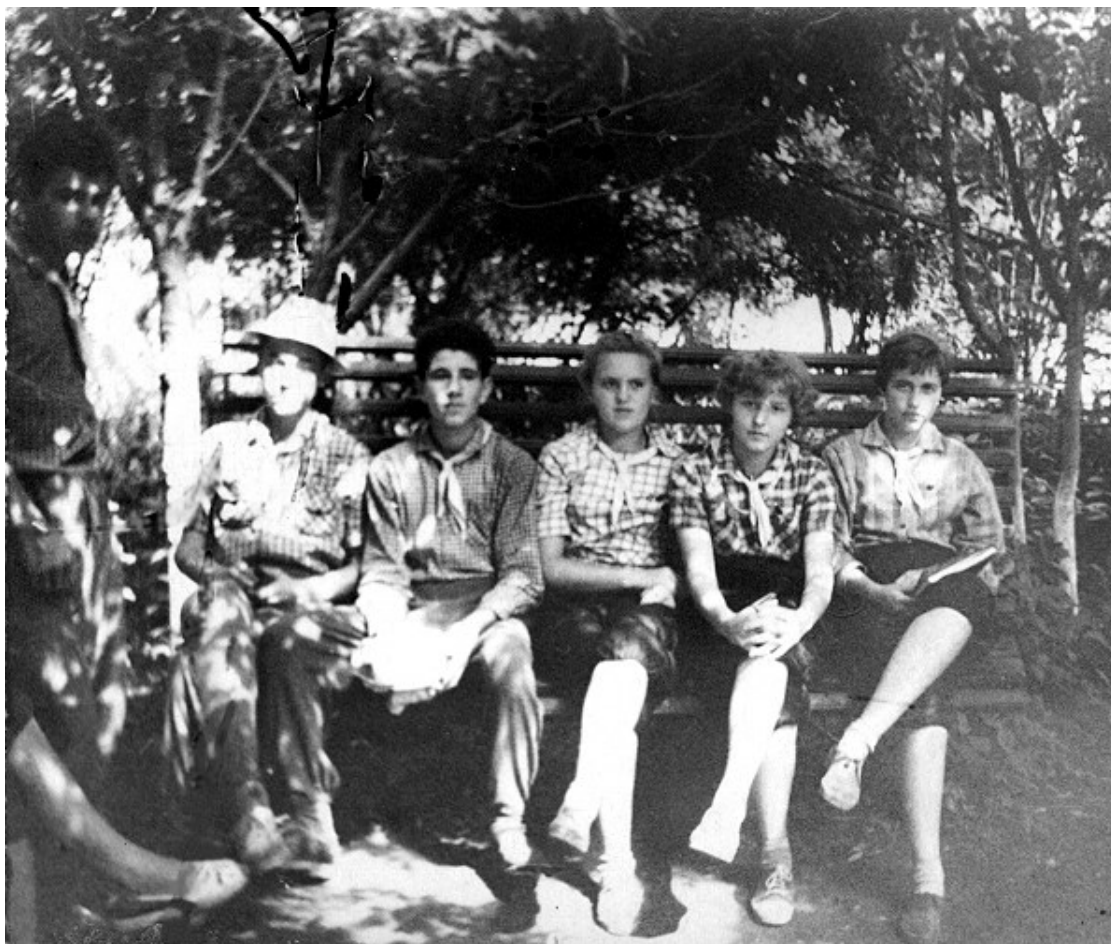
1986–1987гг.

Привал. 1950-е

Урал. 1950-е

Грантовцы 1950-х

Зима 1958-1959 г.г. Москва. Бауманский дворец пионеров (ныне театр «Модерн») Занятия в кружке. Сидят: Люся Вахромеева, Оля Назина. Стоят слева-направо: Таня Улупова, Таня Шуршакова, Наташа Скачкова, склонился Володя Терушкин. В заднем ряду: Ира Генель, Витя Соколов, Толя Мельников

Москва. Бауманский дом пионеров. Осень 1960г. После похода. Справа – Рита Иванова, Саша Супье, носик Тани Улуповой, Володя Терушкин, Таня Шуршакова, Наташа Скачкова, Саша Берсеньев, Олег Попов. Еще правее – Саша Гречев. Спинной (слева) – Оля Назина, Зоя Степановна (Лабазникова), руководитель похода на Яман-Тау, лицом - Толя Ярышев, Володя Чичерюкин. Клетчатый пиджак – мой (Антонов М.С.)

Михаил Антонов

Выпускник МАИ (1968)

До 1989 г. работал на кафедре строительной механики и прочности летательных аппаратов (от инженера до старшего научного сотрудника).

1989–1999 г.г. – сотрудник КБ «Мир», участвовал в разработке и производстве аттракционной техники к 850-летию Москвы, в том числе, Колеса обозрения МОСКВА – 850.

С 1999 г. – по настоящее время: технический консультант ЗАО «Деметра».

Годы в тур. кружке у Гранта: конец 1950-х

1950-е

1950-е. В классе

Р.С. И, хотя Миша был категорически против, не могу удержаться и не сказать о том, что он – родной племянник знаменитого авиаконструктора Олега Антонова:

Олег Константинович Антонов (1906—1984) — советский авиаконструктор, доктор технических наук

(1960), профессор (1978), академик АН СССР. Герой Социалистического Труда (1966). Лауреат Ленинской премии (1962) и Сталинской премии второй степени (1952).

Миша Антонов также предоставил дневник и воспоминания Ольги Назиной и Татьяны Шуршаковой

5 августа 1959 г. Назиной О. 6 часов утра.

Все просыпаются от шума проливного дождя. Я может быть, и не проснулась бы, если бы Наиля не встряхнула меня и не сказала: «Убирай скорее рюкзак, а то намокнет». Первое, что я увидела, открыв глаза, это лужу за своим рюкзаком и поспешно потянула его на себя. Другие делали то же самое. Рюкзаки были спасены, вода нам не угрожала. Дождь продолжал усиленно стучать по палатке. Несмотря на шум моря и дождя, все быстро улеглись и уснули. Мы встали в 7 ч. 10 м. Светило солнышко. Лужи вокруг палатки не обнаружили: вся вода ушла, и не верилось, что час назад так лило. Единственное напоминание – капельки дождя, блестящие на кустах и деревьях. После зарядки все пошли купаться. пляж здесь замечательный, сплошной песок. Море шумит. Цвет его все время меняется, потому что солнце то появляется, то опять скрывается за тучами. Поэтому море то становится темно-синим, то приобретает изумрудный оттенок.

Морские волны одна за другой набегают на берег. В Евпатории мы пробыли до 11 часов. В автобусе все сначала молчали, но Грант Александрович сказал: «Давайте споем». И вот, уже зазвучали слова нашей «Истринской», за ней «Кружка», «Котелок». По сторонам дороги, насколько видно глазу, тянутся горы, поля со скошенными хлебами и огромными стогами сена, похожими на китов. Выехали на Симферопольское шоссе и в 12 ч. 40 мин. прибыли в Симферополь. Город какой-то очень тесный. Довольно узкие улочки, пыльные.

Остановились в самом центре города и в самом центре Крыма. Пообедали в столовой и в 16 ч. 25 мин. покинули Симферополь. Симферополь проводил нас проливным дождем, но дождь быстро кончился, а небо все равно затянуло злыми, нехорошими тучами. Изредка проглядывал клочок синего неба. Горы кое-где покрыты кустарником. По сторонам дороги тянутся виноградники, фруктовые сады. Это – владения совхоза имени Чкалова. Проехали совхоз. Домики утопают в зелени садов. Тополя, словно свечи, высятся по сторонам дороги. И опять виноградники, фруктовые сады. А вдали, за виноградниками – горы, иногда без растительности, с выходами горных пород на поверхность. Солнечные лучи полосами пробиваются из-за туч, и вот, их опять уже не видно. В 17 ч. 15 м. проехали Бахчисарай. В это время выглянуло солнышко, будто оно хотело показать нам город в более веселом, приглядном виде. За городом проехали реку Качу. Ее скорее можно назвать просто речушкой, потому что она сильно обмелела, а по берегам ее русла ровной линией тянулись тополя.

По сторонам дорог, насколько можно
увидеть маки, таволгу, горь, поле
со скошенными ~~стеблями~~ хлебами и срубленными
стеблями ~~стеблями~~ сена, похожими
на штыки.

Выехали на Симферопольское шоссе
и в 12 ч 40 мин прибыли в Симферополь.
Город какой-то очень тесный. ~~Довольно~~ Довольно
узкие улочки, тесные. Обитавшие
в самом центре города и в самом центре
ре Крым. Побегали в столовой и в
16 ч. 25 мин. покинули Симферополь.

Симферополь проводил нас проливные
дожди, который быстро кончился, но небо
все равно затянуто тучами, непогожими
тучами. Везде проливает мелкое
синее небо. Горы покрыты кустарником.
~~Горы~~ Но стороны дорог тянутся
виноградники, фруктовые сады. Это вла-
дельцы совхоза имени Чапаева.

Проехали совхоз. Домами утопаны в
зелени садов. Тюльпаны, словно свечи, вы-
сятся по сторонам дорог. И опять
виноградники, фруктовые сады. А дальше
~~за~~ за виноградниками — горы, иногда
без растительности, с выходами горных
пород на поверхность. Солнечные лучи
покашливаются из-за туч, и все
их уже опять не видно.

В 14 ч. 15 мин. проезжали Бахчисарай.
В это время вышло солнышко, было
оно хорошо показало нам город в более
~~весьма~~ виде нарядном виде.

За городом проезжали реку Качу. Ее
скорее можно назвать протокой, потому
что она сильно обмелела, а по
берегам ее русла ровной линией тя-
нется тина.

Татьяна Николаевна Шуршакова

Мое первое знакомство с Грантом Александровичем Генженцевым произошло в ноябре 1956 года. Я училась в 6-ом классе 334 школы Красногвардейского района г. Москвы. На одном из уроков в класс вошел высокий, стройный человек 40-45 лет с добрыми карими глазами. Он рассказывал нам о путешествиях по родному Подмоскovie и по всей нашей необъятной стране. Мы слушали его с большим вниманием. Потом он всех пригласил пойти в однодневный поход на лыжах и сказал, как нужно одеться, что взять с собой. В назначенный день мы все пришли в Красногвардейский дом пионеров на Покровке за лыжами, ведь у большинства из нас лыж не было. Я в то время уже умела ходить на лыжах, но в валенках и без креплений (на веревочках). Нам дали лыжи с полужесткими креплениями и ботинки. За лыжами пришел весь класс. Маршрут наш: с Покровки стройными рядами до Курского вокзала, далее до станции Горенки и потом на лыжах до конечной остановки троллейбуса в Измайлове. После этого похода Грант пригласил всех на занятия туристического кружка, но пришли только я и моя подруга Галя Ракова. Потом у меня было много зимних походов с Грантом, но особенно запомнился семидневный поход в мартовские каникулы 1960 г. Маршрут Загорск (Сергиев Посад) – Вербилки – Рогачево – Клин проходил по северу Московской области: только там был еще хороший снег. Шли мы на лыжах с утра до середины дня, дальше на солнышке снег сильно подтаивал. Солнышко сильно пригревало, и мы загорали. Мальчишки раздевались до пояса. В Москву мы приезжали загорелые и все завидовали нам.

Однако в этом походе произошло ЧП. Мы ночевали в армейской палатке, в которой стояла печка-буржуйка, ее носил командир группы – Володя Чичерюкин. Всю ночь посменно у печки дежурили двое туристов. И вот, где-то к утру дежурные заснули, и палатка вверху загорелась от трубы. Все спали. Грант проснулся и скинул рукой трубу, получил сильный ожог. Труба упала на ботинки, которые сушились у печки. Несколько ботинок сморщились от жара, в том числе и мои. Идти было трудно, ноги стерлись до крови. Закон туристов: если кто-то не может идти – вся группа сходит с маршрута. Но все пострадавшие сквозь слезы дошли до конца маршрута. На привалах или стоянках Грант доставал небольшой аккордеон и играл, а мы пели песни: «Эх, подружка, моя большая кружка», «Котелок» и другие, и даже танцевали. [До нас эти песни не дошли – О.С.von В.] Иногда выступали с концертами для местного населения. Многие, кто прошел школу Гранта Александровича Генженцева, остались преданными друзьями на всю жизнь. Мы каждый год встречались в Бауманском Доме пионеров, а также на юбилейных вечерах Гранта уже во Дворце пионеров на Стопани. Какие многолюдные, веселые были эти вечера – с подготовленными юмористическими групповыми выступлениями, смешными подарками (самовар со связкой из 60 баранок – в день его 60-летия). Особенно отличались наши старшие товарищи – группа Вити Соколова. Некоторые приходили с детьми. Когда Гранта Александровича не стало, это был шок для нас. Каждый год до сегодняшнего дня на день его рождения (20 января) мы собираемся вместе и первый тост – за капитана Гранта, второй – за тех друзей, кого нет с нами. Недавно от нас ушли Толя Мельников – неоднократный покоритель Северного полюса на

лыжах, первый наш инструктор – Витя Соколов, Толя Ярышев – бессменный и лучший наш фотограф. К сожалению, теперь нас, грантовцев (1958-60 г.г.) осталось 11 человек, но мы есть, и мы помним...

Много есть педагогов пожилых, молодых
И начальников строгих, генералов седых
Но от лейтенанта до сержанта
Все мы дети капитана Гранта
Быть его учеником награда
И другого папы нам не надо.

К 60-летию Гранта Александровича

*Сборная группа грантовцев конца 1950-х. У Дворца творчества детей и молодежи
«На Стопани». 1993 г.*

* * *

Ольга Слободкина–von Brömssen

Незадолго до начала подготовки к 100-летию Гранта Александровича Витя и Леша Гуревичи создали на facebook сайт – Тур. клуб «Дети капитана Гранта». Любой участник сайта может загружать туда фотографии, очерки и т.д. И, конечно, общение грантовцев происходит теперь и в виртуальном мире, в том числе, и на фб.

Запомнились слова Лены Волковой: «Мы с Ленкой Гунбиной (Лен, привет!) и остальными из 35-ой пришли в кружок к Гранту в 68-ом, ранней весной. Пришли – и жизнь наша молодая обрела смысл, цель, восторг и вкус к преодолению невозможного».

Лена Волкова написала на фб: «Очень люблю эту фотографию. Нам здесь лет по 14-15. Сажу спиной к спине с моим первым в жизни соавтором, Леной Тертус. Мы в ту пору писали с ней приключенческий роман, вдохновленные "Наследником из Калькутты". А рядом – первый почитатель (хи-хи) - Люба Печникова»!

Я в свое время тоже так полюбила грантовский кружок, лагерь и походы, что после первой смены 1972 года не хотела снимать дома штормовку, чтобы сохранялся запах леса и костра, сказала, что спать буду на полу – в спальнике и на надувном матрасе. Маме с трудом удалось уговорить меня лечь в кровать и переключиться на цивилизную жизнь. Благо, пересменок был маленьким, и вскорости я вернулась в лагерь и к походному укладу. Мама даже опасалась,

что я могу чересчур увлечься туризмом и потеряю ориентацию в жизни.

*Слева направо: Ира Джинчарадзе, Лена Волкова, Оля Оленева, Люба Печникова.
Сидят: Лена Тертус и Ира Трофимова. Конец 1960-х. Лагерь на Сходне*

Однако мне это абсолютно не грозило – я прекрасно понимала: профессия – это профессия, а туризм – это только летний и зимний отдых.

Оно и неудивительно: мой отчим, Георгий Георгиевич Жадан, один из создателей ДГВРД (двухрядного гиперзвукового водородного реактивного двигателя), был заядлым походником. Он закончил МАИ, всю жизнь проработал в ЦИАМ им. Баранова и, начиная со студенческих лет, ходил в очень сложные походы, например, на плотях они с группой сплавлялись по Алтайским рекам.

Так что, я видела живой пример перед глазами и не заблуждалась на тему. И, главное, своя голова не плечах имелась.

Думаю, я во многом обязана дяде Юре и тем, что решила пойти к Гранту, – ведь в 1971 году (за год до моего появления в лагере на Сходне) дядя Юра взял нас с мамой в бесподобный поход по Байкалу. Мы прошли весь восточный берег Байкала пешком, а западный – на теплоходе «Комсомолец» и закончили маршрут в Бухте Песчаной.

Поход длился 1,5 месяца. Порой мы оказывались в ненаселенной местности, где приходилось прожить неделю, а то и больше, например, в одной из бухт Чевыркуйского залива, откуда нас вовремя не забрали местные. Они доставили на катере нашу группу из пяти человек в Змеевую бухту, а потом запили и забыли про нас... Пришлось питаться рыбой и грибами, благо и те, и другие водились там в большом изобилии. В первый же вечер мы оградили наш маленький лагерь веревками, привязали к ним банки на случай появления Хозяина тайги и оставили на ночь костер.

Медведь не заставил себя ждать. Но дядя Юра, услышав, как гремят банки, вылез из палатки, взял головешку и отогнал страшного зверя. Больше тот не объявлялся.

Так что у меня за плечами уже имелся опыт туристской жизни, причем, опыт бесподобный – мама до сих пор называет Байкал «воплощенной мечтой».

Поэтому, когда на следующий, 1972 год, к нам в школу пришел Грант, я, как на крыльях, полетела к нему в лагерь.

Причем, пришел не зимой, как в большинство школ Бауманского района, а в конце учебного года – видно, наша 414-ая числилась у него на последнем месте, и просто требовалось донабрать ребят.

Байкал. Змеевая бухта. 1971 г. Слева направо: я, дядя Юра, Валерий Сепп (сотрудник ЦИАМ им. Баранова), справа – мама. Между Сеппом и мамой – надувная спас. авиационная лодка, на которой мы рыбачили

Оно и правильно: школа не без основания слыла худшей в районе – и по контингенту учителей, и по контингенту учеников, и я терпела это безобразие с большим трудом, пока не перешла в 17-ую спец.

Меня отдали в 414-ую исключительно по территориальному принципу: 200 метров от нашего подъезда до входа в школу – через дырку в заборе.

Однако и в такой школе имелись хорошие учителя, например, Ираида Ивановна Красинская, моя первая учительница, и Тамара Григорьевна Ларина – преподаватель русского языка и литературы (Царствие Небесное им обеим!). И даже из такой школы вышли любопытные люди. По крайней мере, одного моего одноклассника знают все – это режиссер знаменитого сериала «Папины дочки» Олег Смольников (1–4 серии).

Но эта песня о любви. У меня – картинка перед глазами: Грант восседает перед классом на

учительском троне: спокойный, уравновешенный, доброжелательный, (он мне сразу понравился) и говорит: «Кто хочет ехать в туристический лагерь»?

И я почувствовала: это судьба, он пришел за мной!

Если бы Грант пришел к нам зимой – приглашать заниматься в кружке, я бы, скорее всего, не пошла, – я же училась в Музыкальной школе №1 им. С.С Прокофьева, мне было не до тур. кружков: выступала на всех отчетных концертах и участвовала во всех Московских и Всесоюзных конкурсах юных пианистов.

Оля Слободкина играет «Токатину» Бабаджаняна

Но Грант пришел к нам в конце мая, чтобы забрать меня к себе в лагерь, где я мысленно останусь до конца моих дней – в восторге и радости бытия.

А что до песен – да, бардовские песни в шестидесятые-семидесятые были не то, чтобы запрещены, но как бы полулегальны. Петть их, вроде как, разрешали, а публиковать запрещали. Застойная эпоха – особ. статья. Тому, кто тогда не жил, не понять.

В грантовские годы я впервые услышала и имя Бродского – от Димы Зеленко. Могла ли я в свои 14-15

лет предположить, что получу от Бродского, будущего Нобелевского лауреата, рукописное письмо из Нью-Йорка (рецензию на мои стихи) за полгода с небольшим до его смерти!

Помимо бардовских песен, все грандиозное грантовское подвижничество являло собой по сути внутреннюю эмиграцию. Что подтвердили потом и профессионалы ДЮТ: весь детско-юношеский туризм был внутренней эмиграцией, это – общеизвестный факт.

И вообще..., это же семидесятые. Внутренняя эмиграция – состояние большей части Советской научной и творческой интеллигенции.

Слободкина Франческа Александровна (мама)

Родилась в г. Москве.

В 1958 г. окончила с отличием механико-математический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова по специальности «Механика», и по распределению была направлена на работу в Центральный институт авиационного моторостроения (ЦИАМ) им. П.И. Баранова, где работает до настоящего времени.

Ф.А. Слободкина рассматривала теоретические вопросы механики сплошной среды, связанные с устойчивостью процессов в движущихся средах и с оптимизацией параметров, управляющих этим движением. Полученные результаты легли в основу двух диссертаций – кандидатской (1968г.) и докторской (1983г.), защищенных на ученом совете Института механики МГУ.

Ф.А. Слободкина – доктор физ-мат. наук, почетный профессор, ведущий научный сотрудник, академик Российской академии естественных наук, ветеран труда СССР и почетный ветеран труда ЦИАМ.

По совместительству Ф.А. Слободкина преподавала в качестве профессора в различных университетах Москвы – в Физико-Техническом, в университете им. Н.Э. Баумана, в РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина и других. В течении 32 лет читала лекции по математике аспирантам ЦИАМ, специальные лекции в Китае сотрудникам института авиационной промышленности.

Автор более 220 научных работ. Среди них монографии, учебные пособия и статьи в различных научных журналах АН России и зарубежных изданиях, доклады на международных конференциях. Выступления Ф.А. Слободкиной на многочисленных международных конгрессах, Российских, региональных и др. конференциях отмечалось среди лучших работ.

«За высокие научные достижения, большой вклад в развитие России и подготовку квалифицированных кадров» Ф.А. Слободкина награждена медалью им. Екатерины Дашковой, медалью В.И. Вернадского от РАЕН, медалью почетный ветеран труда ЦИАМ, медалью имени В.Н. Челомея от Федерации космонавтики СССР (1994), медалью им. М.В. Келдыша от Федерации космонавтики России (2016), медалью имени Л.И. Седова от РАН и др. наградами

В то время, как наши сверстники гнили в советских пионер. лагерях, мы, как уже говорилось, покоряли вершины Кавказа, Фанских гор (Памиро-Алай), ходили на байдарках по Карелии, в лыжные зимние походы – по Кольскому полуострову, а грантовцы 1950-х и в район Ямантау, Южный Урал, (даже брали с собой переносную печку) и спускались на горных лыжах с Чегета.

Вот как Лена Волкова вспоминает о Гранте и Фанском походе:

«Мне было двенадцать лет, когда я пришла в его кружок. И были горы, болота, реки, дороги – много дорог – бездорожье, лес, лес, лес, снег и лыжи, жара, ночевки на снегу и ночевки под дождем, костры, гитара (Гуревич, тебе – отдельный поклон!), дрожащая стрелка компаса и друзья на всю жизнь. Помню, как мы поднимались на перевал Казнок в Фанских горах. Это четыре с половиной тысячи. Лед, скалы и такое синее небо, что оно казалось почти черным. Высота. Дышалось уже трудно. Не хило, если учесть, что было нам по 13-14 лет. Навстречу спускалась группа восходителей. Они не могли поверить своим глазам. Дети – на Казнок! Грант огромен в жизни каждого из нас. УЧИТЕЛЬ, что там говорить. А какое у него было чувство юмора»!

Лена! Ваши слова – как глоток свежего воздуха на Казноке. Будьте всегда с нами! И простите меня, но все это само собой уложилось в верлибр:

Фанский поход 1969 г. Грант делает из снега мороженое

*Казнок. Перевал.
Памиро-Алай.
Небо становится синее сини
и кажется черным...*

*Дышать тяжело.
Четыре тысячи метров ввысь
и еще*

пятьсот.

*Мы встретили тех,
кто уже — на спуск.
Дети? На перевале Казнок?*

*Они не могли
поверить
глазам своим.*

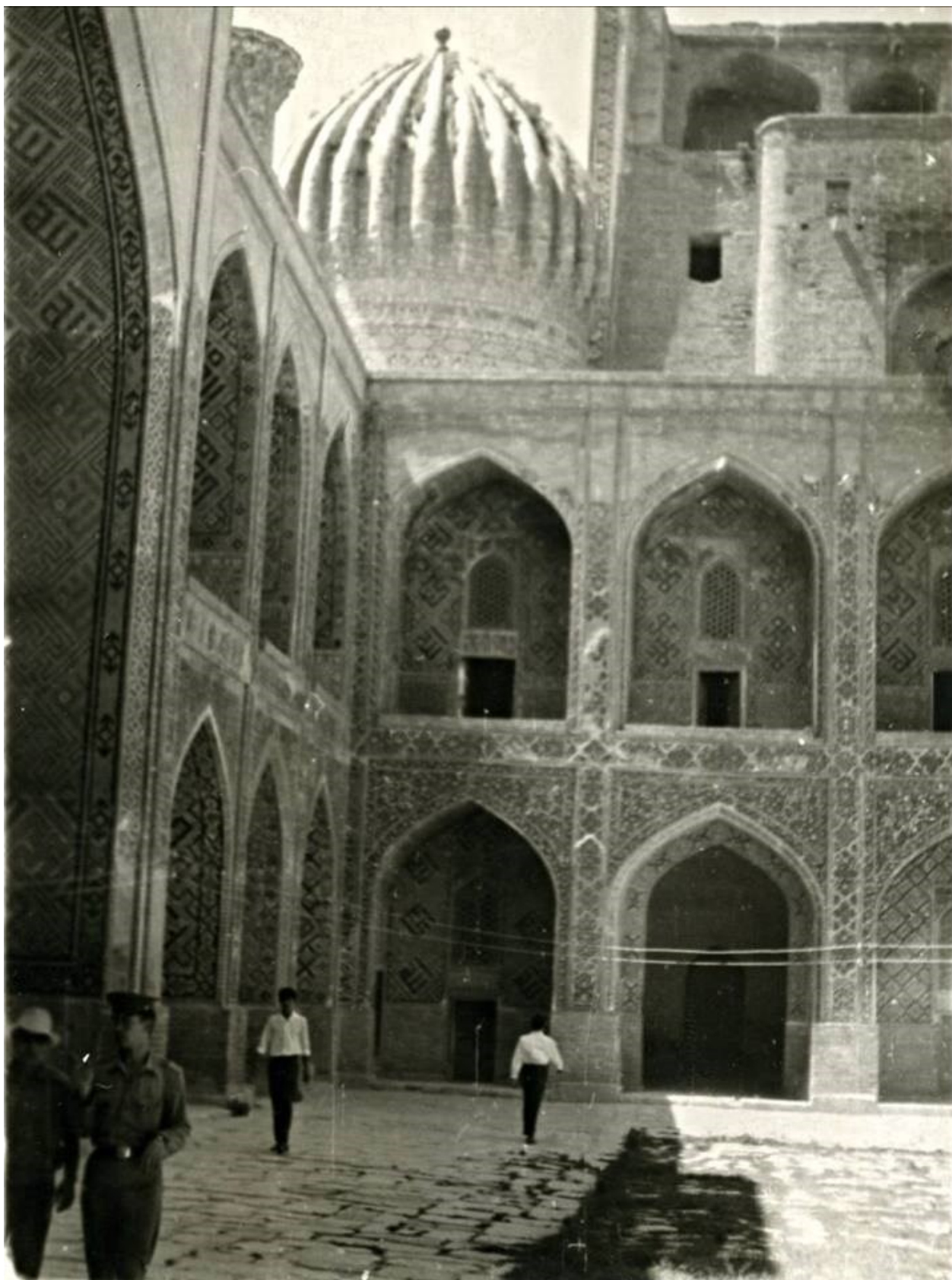
Грант велик.

*Четырехты-
сячник.*

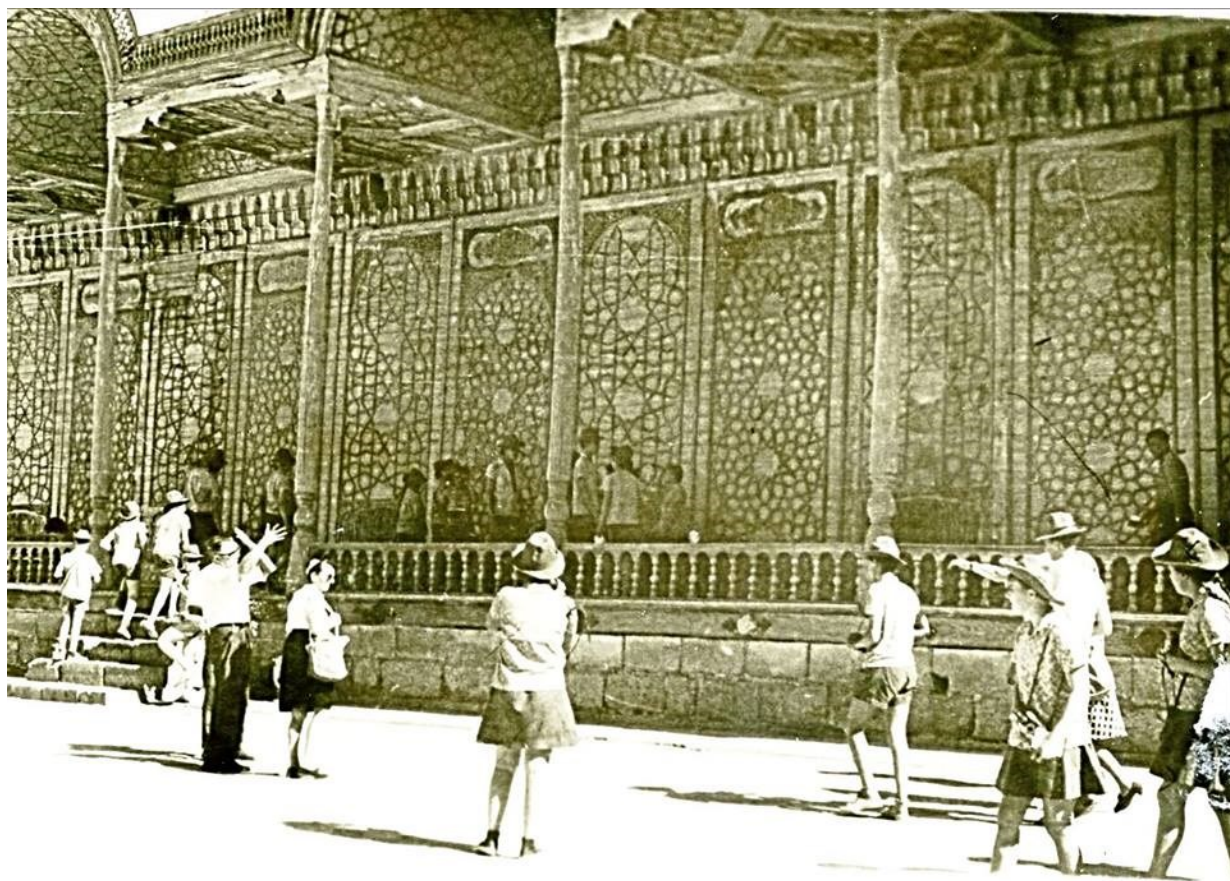
*И
друзья
на всю жизнь.
Учитель,
что говорить.*

*Все мы
к нему пришли,
и жизнь
наполнилась смы-
слом
преодоления
неодоли...*

декабрь 2016

Поход в Среднюю Азию 1969 г. (Фанский поход) начался с осмотра исторической части Бухары и Самарканда. Побывали даже в обсерватории Улугбека. После этих городов был совершен переход через Фанские горы (перевал Казнок)

Культурная программа похода в Среднюю Азию. 1969 г.

Поход в Среднюю Азию. 1969 г.

Елена Волкова

Воспоминания о Фанском походе 1969 г.

Фанские горы и бальные танцы. Казалось бы, что общего? А общее в том, что ничего случайного и второстепенного в воспитании своих питомцев Грант не признавал. Для него все было важно. Важно, чтобы из его детей вырастали гармоничные личности: чтобы они владели пером, были наблюдательны, галантны в отношениях, чтобы были умными и достойными собеседниками. Поэтому и требовал от нас письменных отчетов – путевых записок – после каждого значительного похода. Он не только учил нас новому, он учил нас видеть, познавать самостоятельно, находить существенное, отсеивать второстепенное. Поэтому, когда я думаю о Гранте, прежде всего я думаю о вечных ценностях, которые он привил нам, как прививают старую лозу к молодому дичку. Я говорю о чувстве товарищества, о самостоятельности, об ответственности за свои поступки и о вросшем в нас восхищении миром. Грант воспитал в нас «мира восторг беспредельный». Это чувство пришло к нам в походах, в условиях преодоления трудностей, опасностей и, прежде всего, самого себя. Поэтому запомнилось, поэтому стало нашей плотью и кровью. Постепенно мы осознали – все возможно. Это победное чувство многим из нас не позволяло снизить планку, продешевить, пойти по пути наименьшего сопротивления. Но это было потом, а пока – детство, горы, друзья, черное небо Казнока и удивление в глазах встреченных нами восходителей: «С детьми на Казнок?!» Мы это удивление не поняли. Мы-то детьми себя не считали. Скорее усмехнулись про себя: знай наших!

Фанский поход, мой первый большой поход. В этой книге уже отмечали эту особенность в организации походов, где туристский маршрут сочетался с обширной культурной программой. Прилетев в Ташкент, мы там надолго не задержались – через день выехали местным поездом в Самарканд. Помню сухую жару, белое солнце и быстро меняющийся за окном пейзаж: городские кварталы только что отстроенного после землетрясения Ташкента, и вот уже – лунные пейзажи подступающей пустыни. Алла Штукина, прилипнув к окну, фотографировала стоящих у полустанков людей в цветных халатах, покрытых пылью, таких же запыленных ишачков – трудяг с поклажей на спине, незнакомую и скудную растительность. А потом все это вдруг исчезло, и перед нами предстал, сияя синевой минаретов и медресе, старинный, таинственный город.

Сейчас мне трудно вспомнить, что именно я видела в Самарканде, а что в Бухаре. Но я отчетливо помню ощущение перемещения в иную реальность. Мы впитывали ее, как губка воду. Тогда, конечно, нам было невдомек, какую работу проделал Грант: так организовать поход, чтобы мы смогли узнать побольше о стране, через которую пройдем с рюкзаком за плечами. И не только узнать, но, возможно, и полюбить. Поэтому мы посещали и музеи, и встречались с местными краеведами, и даже ездили в хлопководческий колхоз. Никогда не забыть мне радушие взрослых и детей, которые принимали нас в колхозе. Нас накормили, устроили небольшое представление и в конце пригласили потанцевать вместе с ними. Очень хорошо помню момент замешательства и смущения, когда маленькая девочка вдруг потянула меня за руку в круг и стала показывать, как надо танцевать традиционный узбекский танец. Где-то даже есть фотография.

Вот эта фотография. Нашлась...

Потом ребята повели нас в поле, и мы вместе с ними собирали хлопок. В этом – суть подхода Гранта к дальним походам: если хочешь узнать страну, живи и работай среди ее народа.

Трудно писать о Бухаре и Самарканде, не скатившись в перечисления: были там-то, видели то-то. Все это попало тогда в мой путевой дневник, первый в моей жизни. Для этой цели отец выдал мне одну из своих затянутых в кождермантин геологоразведочных путевых тетрадей. Я чувствовала себя Миклухо-Маклаем, не меньше. Так совпало тогда: геологоразведочное прошлое моего отца, много работавшего на Памире, и мое настоящее, подаренное мне Грантом. Все сложилось, как в пазле, и предопределило будущее.

А потом был поход. Армейский грузовик доставил нас к началу тропы, мы закинули рюкзаки за спину, попрыгали, повели плечами, пристраивая поудобнее груз, и двинулись по тропе. «Путь в тысячу ли начинается с первого шага».

Фанский поход. Привал. В шляпе в центре – Лена Волкова. Справа – Грант.

Что запомнилось? Самое яркое воспоминание – это озера Куликалон, Алаудин, Мутное и Искандеркуль. Чтобы проверить себя, зашла в сеть, и Гугл предложил на выбор отчеты путешественников и подробные описания долин и подходов к озерам. Когда мы сбросили рюкзаки у Куликалона, Гугла не было и в помине. Не было и палаточных стоянок, кроме нашей. Над озером царила тишина. Из четырех озер Фанских гор оно осталось самым любимым. Зеленая вода Куликалона... Озеро лежало, как драгоценный камень в оправе, в окружении мягко

расступившихся гор. Мы перешли по камушкам на небольшой островок и расположились в тени дерева арчи.

Озеро Куликалон. Фото из Интернета

Озеро Куликалон. Фото из Интернета

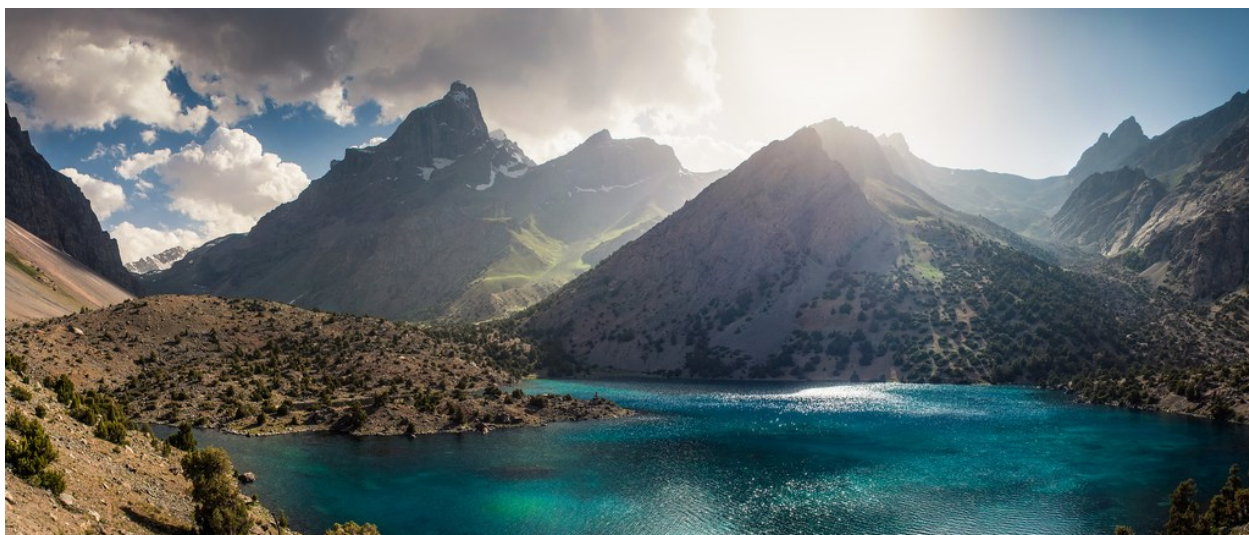
Деревьев по берегам озера – немного. В основном его окружали некрутые склоны, поросшие колючим кустарником и сухой травой. Было что-то в этом озере магическое, как будто мы, не заметив того, прошли сквозь портал в иное измерение. Что интересно, много лет спустя со мной поделилась такими же ощущениями от Куликалона художница Алла Александровна Андреева, которая тоже там побывала и примерно в те же годы. Только, в отличие от нас, она пришла к Куликалону в возрасте пятидесяти лет.

Какая-то древняя магия царит над этим местом, и ты остаешься один на один со Вселенной. Именно там. Простите мне мой прикладной эзотеризм.

На пути к Алаудину не все складывалось гладко. Мы потеряли разведчика. Сейчас не могу вспомнить, кто именно шел впереди, чтобы проверить тропу, но поиски завели этого человека на сложный скальный участок, откуда он уже не мог самостоятельно спуститься. И самое ужасное – мы не могли его найти. Витя Гуревич мог бы больше об этом рассказать, так как именно он принимал участие в спасении нашего товарища. Тот подал сигнал солнечным зайчиком (верно?), и только так мы вычислили его местоположение.

Спуск к озеру проходил по морене. Это очень сложный, опасный и изматывающий путь. Мелкие камни сыпятся из-под ботинка, и нога теряет устойчивость. Приходится прикладывать дополнительные усилия, чтобы не упасть и не увлечь за собой остальных. До озера мы добрались с натертыми ногами и измотанные до предела. Грант устроил нам дневку. Алаудин, в отличие от Куликалона, оказался синим. Когда мы смотрели на него сверху, с ребра перевала, он переливался всеми оттенками от темно-голубого до сапфирового. Пятикилометровая глубина озера, не

замутненная ничем. Алаудин – одно из самых чистых озер мира. Отсюда и неповторимый его цвет.

Озеро Алаудин. Фото из Интернета

На этом участке нас сопровождал в качестве проводника местный житель. Как-то незаметно он исчез и унес с собой моток веревки, которую мы собирались использовать для

альпинистской связки. А нас ждало восхождение на Казнок. Что тогда сказал Гуревич, я повторять не буду, но эмоцию разделяю полностью.

Последняя ночевка перед Казноком – у озера Мутное. Не знаю, чему обязано озеро своим цветом, но, если опустить в него руку, ее уже не видно. Как отрезано. Еду готовили на костре, сухие сучья принесли с собой с Алаудина. Не могу сказать, что мы спали, как убитые. Впереди – серьезное восхождение, и у всех в уме всплывали рассказы о Черном Альпинисте и всякие другие байки. Думаю, подействовал и суровый каменный пейзаж узкой долины Мутного озера.

Озеро Мутное. Фото из Интернета

Встали засветло. Подъем шел по леднику, на некоторых участках почти отвесному. Дышать становилось все

сложнее, потому что на этой высоте воздух – более разреженный. Легкие требовали кислорода, а кислород был в дефиците. Небо над головой становилось почти черным. Вот представьте: черное небо, стальным отливают скалы и ослепительно белый снег ледника. По нему медленно и размеренно поднимается цепочка людей. Если приглядеться – почти дети.

[Витя Гуревич в 2014 году на фб тоже вспоминал подъем по этому леднику: «Казнок – это отдельная песня. Мы же с Грачёвым спустились вниз, за Дегтярёвым, который «сдох» (то есть не мог дальше идти – O.C.-von B.). Спустились налегке – поднять Дегтярёва и его рюкзак. Я думаю, ты не помнишь, но мы вставали в 4 утра. Идти можно было только ранним утром. Первые по очереди рубили ступени. Подъём продолжался несколько часов. И, когда мы с Грачёвым спустились вниз, наступил день, Казнок начал таять. Как мы с Толиком подняли Дехтярёва на перевал, это – тайна между нами, а его уже нет» ...]

Седловина перевала Казнок – моя первая вершина. Перед нами раскинулась величественная панорама гор. Казалось, они лежат у наших ног. Что за чувство для человека, которому только на днях исполнилось четырнадцать! Четырнадцать лет – и весь мир у твоих ног, потому что ты превозмог себя, свой страх, слабость и пришел сюда, на эту гору. Пришел потому, что был не один, а с друзьями, с Учителем. И только вместе мы могли все это одолеть.

Вид с перевала Казнок Восточный. Фото из Интернета

Дружба и взаимовыручка – наш козырь всегда и во всем. Как-то на привале у Иры Ларионовой сорвался и укатился вниз, к самой реке, рюкзак. Мы только что одолели сложный подъем – и тут вниз, на самое дно ущелья летит рюкзак. Двое мальчишек сразу бросились за ним, не считаясь с усталостью, и притащили наверх. Еле отдышались, и группа двинулась вперед.

Переход через Фанские горы завершился у озера Искандеркуль. Своим названием оно обязано Александру Македонскому – он останавливался здесь во время своего Индийского похода. С этим событием связано множество легенд, которые передают из уст в уста туристы, ночующие у озера. Их много, туристов. Уже тогда было много. Так много, что мы не нашли места для стоянки и поднялись вверх по реке, впадающей в озеро. Нашли удобный пятачок, разбили лагерь и пару дней провели, приводя в порядок натруженные ноги, стирая бельишко и просто отдыхая. В

ночь перед выездом в Душанбе спустились к Искандеркулю с визитом вежливости.

Седловина перевала Казнок Западный. Фото из Интернета

Разговорились с другими туристами и от них узнали, что место, выбранное нами для стоянки, все обходят стороной. А мы-то радовались, что оказались одни на этом тенистом пятачке возле реки. Но ребята с Искандеркуля смотрели на нас с ужасом. «Там же гюрзятник!» – воскликнули они. Оказывается, это место облюбовали не только мы, но и местные гюрзы. Они выводят там потомство и в этот период особенно агрессивны. Сами понимаете, последнюю ночь перед выездом нам что-то не спалось.

Озеро Искандеркуль. Фото из Интернета

При чем тут балльные танцы, спросите вы. А при том, что Грант Саныч хотел, как я уже говорила, чтобы мы были гармоничны во всем. Вскоре после Фанского похода он пришел на занятия и сказал, без всяких предисловий: «Мне надоело, что вы не можете себя показать! Приезжаем куда-нибудь, все танцуют, а вы по углам сидите. Чем вы можете похвастаться, кроме покорения вершин и побед в соревнованиях по спортивному ориентированию?! Я всех записал в кружок балльных танцев!» Был такой кружок при Доме Пионеров на Стопани. Занятия проходили в зеркальном зале, что прямо у «нашей» лестницы [ведущей в тур. кабинет, тоже наш – О.С.-von В.] Начали мы с полонезов и вальсов, а закончили фокстротом, танго и сиртаки. Помню, как мы вальсировали с Толиком Грачевым на показательном концерте! Мы по росту друг другу подходили, и танцевальная пара вышла хоть куда! С тех пор

я полюбила танцы, а до этого считала себя гадким и неуклюжим утенком. Прав был Грант. Воспитание человека должно быть многообразным, объемным и гармоничным.

Я счастлива поделиться своими воспоминаниями об очень дорогом нам всем Человеке. Он определил течение наших жизней и постарался «отделать щенков под капитанов». Я встречала многих великих на своем пути, но равного Гранту не было и нет. Могу только пожелать, что когда-нибудь в каком-то «околотке Вселенной» снова появится на свет этот человек и воспитает новые поколения. Повзрослев, мы продолжали нести в себе отсвет его огня. Мы казались порой странными окружающим. Наши поступки выбивались из рамок общепринятого поведения. Помню, как кто-то из австралийцев назвал меня “a sceptical romantic”. Я ответила: «Меня так воспитали».

Да, мне привычно «в теплом ветре ловить опять/то скрипок плач, то литавров медь/А что я с этого буду иметь/Того тебе не понять». [Из песни Новеллы Матвеевой «Девушка из Таверны»]

С любовью ко всем грантовцам,

Елена Волкова

*Мне мой плащ францисканский плеч не жмет.
Он сути моей под стать.
Кто ведает тайны – тот поймет.
По взгорьям пойдет искать.*

Эхом откликнется по стерне,

*Но след уж порос травой.
Лишь люди поют о суровой княжне
С горячей и нежной душой.*

*Волосы белые – в капюшон.
И сердце – жги, не жалей.
Захочет – найдет, ведь маяк зажжен.
А нет – так идти светлей».*

Февраль 2018

Елена Волкова – выпускница МГУ им. Ломоносова, филолог-руссист. До университета работала референтом на телевидении, а после университета – научным сотрудником Государственного Литературного музея. Создала исследовательскую группу “Русская провинция”. Задача группы – исследование потенциала старинных русских усадеб и подготовка плана музеефикации и возвращения этих усадеб в активный культурно-просветительский фонд. Первым проектом группы была работа с усадьбами Набоковых, Батово и Рождествено, в пойме реки Оредеж под Гатчиной. Из музея я ушла на радио “Эхо Москвы”, которое к тому времени проработало в эфире всего три месяца. Вела еженедельную передачу по культуре, прошла в составе экипажа два путча, 1991-го и 1993-го года. Была инициатором и создателем звукового архива “Эха Москвы”. Влюбилась в австралийца. Что поделать, такое может случиться с лучшими из нас. Живу в Брисбене. Начала с нуля, без связей и помощи. Принимала участие в разнообразных национальных и международных проектах. В течение

трех лет была президентом филиала Австралийской Ассоциации устной истории. Между делом закончила два университета. Защитила кандидатскую, работаю над докторской.

Годы в тур. кружке у Гранта: 1968–1972. Была командиром группы 3 года подряд, участвовала во всех соревнованиях по спортивному ориентированию – и летних, и зимних, особенно любила зимние. В 1983 г. стояла в штормовке в почетном карауле у гроба Гранта Александровича вместе с Леной Гунбиной.

Лена Волкова. Лагерь. Конец 1960-х

Ольга Слободкина-von Brömssen

И не только походы вспоминают грантовцы. Виталий Сапогов рассказал мне одну историю о соревновании костровых в летнем лагере 1972 года. Костровые должны были разжечь костер и вскипятить воду в котелке. Чья вода закипит быстрее, тот и победитель. Перед самым началом соревнования оказалось, что «пороха» (тонких веток для розжига) набрали так мало, что его явно не хватит. К тому же, наши костровые не выкопали даже ямку для костра и забыли лопатку. Судья хотел снять их с соревнований, но они не сдавались. Котелком мгновенно вырыли ямку, а тот небольшой пучок «пороха», которого явно не доставало, держали, горящим, в руках – чтобы огонь охватил котелок со всех сторон, не только снизу. Потом, когда в руках держать стало уже невозможно, подпирали палками снизу. Их вода закипела раньше всех. Виталий и его напарник, Володя Коновальцев, выиграли соревнование. Ребята стояли на гребне карьера, смотрели на этот спектакль сверху вниз и сначала дико хохотали, а потом стихли.

Хорошо смеется тот, кто смеется последним...

осень 2016

Виталий Сапогов

1987 г. закончил Всесоюзный заочный машиностроительный институт, в 1998–99гг. – Институт повышения квалификации при МГТУ им. Баумана.

После армии, с 1979 – 1982 гг., работал старшим техником в Главном Вычислительном центре Центрального статистического управления СССР.

1982–1985гг. – инженер Главного вычислительного центра Госплана РСФСР.

1985–1988 гг. – старший инженер ГВЦ Минводхоза РСФСР.

1988–1990 гг. – старший инженер ГВЦ Госагропрома СССР.

В дальнейшем работал инженером в МИД России, ведущим спец. в Московском земельном комитете, ведущим спец. в Москомимуществе и др.

В настоящее время – начальник бюро НПО "Наука"

Годы в тур. кружке у Гранта: 1971–1972

Виталий Сапогов. 1975 г.

Полоса препятствий. Подготовка к соревнованиям. Костер

А Сеня Цейтлин прислал мне по мейлу две истории с легендарным Витей Райкиным:

«Да, и еще, я Вам обещал байки про Витьку Райкина, и они у меня уже готовы. Получайте.

История номер раз:

Году в 70-м – 71-м в лагерь пришел очень энергичный, заводной, веселый новичок – Витя Райкин. На полянке рядом с лагерем кто-то из инструкторов (Стальнов? Минделевич?) за что-то его отчитывает. Витька, с откровенным неприятием, молча и очень сосредоточенно тюкает углом топорика по пеньку. Не получая ответной реакции, инструктор спрашивает, что он там вырубает. С абсолютно невинным видом, глядя инструктору в глаза, Витька поднимает сложенную в несколько раз тряпку, которая по мере распрямления превращается в рубашку инструктора, покрытую по всей поверхности мелкими дырками «елочкой». Через несколько секунд оба срываются с места... Не уверен, что инструктору удалось его поймать.

История номер два:

Небольшой группой, в основном «старики», сидим на той же полянке, и Ирка Ефимова (энергичная, решительная, быстрая на реакцию) что-то рассказывает. У «новичка» Райкина рассказ вызывает искреннее уважение, и он с восхищением восклицает: «Ну, ты, Ирка, – секс бомба ...» Несколько секунд оба в полной растерянности смотрят друг на друга, после чего Ирка срывается и бросается за опомнившимся и рванувшим в лес Райкиным. Не помню, но сильно сомневаюсь, что на этот раз ему удалось удрать.

Потом Витька объяснил – хотел сказать: «Ну, ты, Ирка, – бой-баба», а получилось ...

Пока.

С.

К Гранту я пришел после 7-го класса и прозанимался три с половиной года, с 1969–71. Мой первый большой

поход – в Среднюю Азию, Фанские горы. На следующий год, насколько я помню, была Польша. Туда я не поехал из нелюбви к чемоданному туризму. А в 71-ом была Карелия? Совершенно этого не помню, т.е., что был Карельский поход помню, но думал, это – когда я уже в институте учился. Видимо, туда Грант меня и не хотел брать, т.к. летом того года дважды выгонял. Странно, но, кажется, туда не ходил и никто из наших «стариков» (с кем мы наиболее тесно общались) – Штернберг, Королев, Якобсон, Владимиров, Любка Левина, Олька Уманская... Или кто-то из них там был»?

Семен Цейтлин

Родился в Москве, жил в районе Покровки, в Казарменном переулке. Учился в разных школах, в том числе, в 35-ой англ. спец., бывшей в 312-ой, потом – в 657-ой (где на год старше учился Витя Гуревич), затем перешел в математическую школу. В 1973, уже будучи студентом МАДИ, работал в летнем лагере на Сходне инструктором. Закончил МАДИ. С 1992 г. живет в Лос-Анджелесе.

28 января 2017– конец февраля 2017

Виктор Райкин

В 1979 г. окончил МГРИ (Московский геологоразведочный институт).

В 1988 г. уехал в США и в настоящее время живет в Нью Йорке.

С конца 80-х работает экологом, преимущественно руководит проектами в развивающихся странах.

Годы в тур. кружке у Гранта: 1970–1974

Да, воспоминания у всех настолько же разные, насколько разные и мы сами. Для меня и ребят моего года Витя Райкин был «стариком». И одним из самых популярных (если не сказать самым популярным человеком) в лагере. К тому же он прекрасно играл на гитаре. И мне бы никогда не пришло в голову, что он мог изрубить топориком рубашку инструктора и вообще сделать что-то не то... В моей памяти он навсегда останется таким, каким я его запомнила, — всеобщим любимцем, Начитимой (в смысле начитанным), также Белым Бизоном (происхождения второго имени не знаю, возможно причиной послужила его кудрявая голова). В дальнейшей жизни он также проявил себя как достойный человек — состоялся в профессии, создал семью, вырастил двух дочерей.

21 апреля 2017

Витя Райкин в Карельском походе. 1971 г.

Построение в лесу. 1972. Слева направо: наш инструктор Сергей Борисович («Серборан»), Грант Александрович, Оля Сенаторова, Вася Додонов, Таня Пахомова, Саша Питавев, Виталий Потапов, Саша Сачков, Миша Брандт, Аня Любина, Андрей Дудинов, Маша Гороховская

Ольга Слободкина–von Brömssen

Хотя пеший равнинно-горный и байдарочный туризм в Советский период, не говоря уже о горных лыжах, был прерогативой интеллигенции и, в частности, научно-технической элиты, у Гранта, однако, занимались ребята как из хороших семей, так и совсем

простые, что ничуть не мешало нам общаться и быть всем вместе. Процветала и дружба народов СССР – по крайней мере, дух антисемитизма близко не подступал к лагерю. Хороший пример тому Миша Сарайников – он очень любил и уважал Витю Райкина; Витя постоянно мелькал в Мишиных воспоминаниях. Ну, а в Витю Гуревича были влюблены все девочки – поголовно, не зависимо от национальности, возраста, интеллекта, способностей, генетики, сословия и внешних данных. Одна девочка, совершенно необыкновенная и «волшебная», как мне передали, даже написала стихотворение, которое заканчивалось строкой: «О, эти азиатские глаза»!

В мой же год и, особенно, в следующий выпуск, все влюбились в Васю Додонова.

Ну, а любовь моей юности на веки останется в моем сердце и в том незабвенном отрезке жизни. Да и вообще... никто не собирался нас спрашивать, в кого нам влюбляться, когда, и, главное, зачем...

*Быть может, в Вечности,
четырнадцатилетние,
мы будем вместе,
как тогда,
за Истрой.
Две юные души,
влюбленные, бессмертные,
зажженные единой Божьей искрой...*

По иронии судьбы, Грант, будучи человеком от Бога, не только искренне верил в коммунизм, но и сумел воплотить коммунистические идеи «в одном отдельно взятом тур. лагере», если перефразировать

небезызвестную цитату Ленина, и был не диссидентом, а коммунистом, причем, настоящим (см. Кодекс строителей коммунизма, списанный с Евангелия).

Хотя Советы и отменили Бога, Бог не отменил своего влияния на людей и продолжал жить в них и действовать через них, не обращая внимания на коммунистическую ересь.

У меня есть такое стихотворение... Смысл его в том, что мне говорили: Бога нет. Я повторяла: Бога нет, но ОН незримо, хотя и ощутимо, присутствовал во всем моем бытие.

Стихотворение называется

Из детства

*Когда кружилась я на карусели,
и звезды яркие кружились в голове,
сознание поднимая в Высоту,
еще не знала я, что это – Бог.
Меня учили: «Бога нет»!
Я повторяла: «Бога нет»!*

*В ответ
Он поднимал меня
во сне и наяву.*

*И в том далеком детском «Бога нет»!
был Бог
во всей Ночной и Звездной Полноте,
во всей Всезащищающей Любви –
в душе свободной, древней и бессмертной...*

8 марта 199 г.

* * *

Ко дню победы в этом году наш инструктор Алик Ковалев рассказал мне такую историю о военных годах Гранта – она лишний раз подтверждает, что Грант был человеком вед`омым и хранимым. Грант служил в артиллерии, подвозил снаряды с напарником. Однажды замешкался где-то, а когда пришел, увидел: подводу со снарядами взорвали. Напарник погиб. Грант остался живым. Небо решило – он нужен для работы на Земле, со многими поколениями детей... Напомню, он подвизался на этом поприще почти сорок лет.

Наш инструктор Алик Ковалев

Ковалев Александр Александрович, старейший работник Московского техникума космического приборостроения МГТУ им. Баумана, зав. лабораторией Радиотехнические цепи и сигналы, Антенно-фидерные устройства и распространение радиоволн, заведующий учебной частью.

К Гранту в кружок пришел в 1958 году, работал инструктором до 1983 г.

30 ноября 2015

** * **

«Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется».

Знаменитая тютчевская цитата относится не только к слову, но и к делу. Сегодня мне позвонил Коля Творемиров, ученик Матуса Иосифовича Краймана. Крайман – еще одно знаковое имя в ДЮТ. Матус Иосифович работал с детьми во Дворце пионеров на Ленинских горах и водил их, в основном, в байдарочные походы. Коля сообщил: он только что вернулся с Селигера, куда ездил на открытие мемориальной доски своему учителю.

Эту акцию провел Александр Яковлевич Миндель.

Миндель был на открытии доски Гранту Александровичу во Дворце «На Стопани», вдохновился и решил создать и открыть у себя в лагере на Селигере мемориальную доску и своему учителю, Анатолию Зотовичу Романову. Вторым был установлен памятный знак Исагулиеву Паруйру Иянессовичу. К концу августа на фасаде его дома в Осташкове (Дома Путешественника) появятся еще несколько мемориальных досок выдающимся педагогам-путешественникам – Пантеон Славы.

14 июня 2016

В прошлом году Александру Яковлевичу удалось создать Пантеон Славы, а в этом, 2017 году, он планирует заказать и памятный знак Гранту Александровичу. Спонсор проекта – наш грантовец Алексей Чистяков. Вот, как будет выглядеть этот знак.

Выдающийся педагог.
Создатель и руководитель школы инструкторов
и тур. клуба
«Дети капитана Гранта»

**Грант Александрович
Генженцев
20.01.1913 – 25.04.1983**

Грандиозное грантовское подвижничество — это
эпос.

У каждого из нас в душе написана своя книга...
Ей нет конца.

От благодарных учеников

Памятная доска Гранта Александровичу на Селигере. 2019 г.

Грант Александрович на слете с инструкторами. Слева от него – Алик Ковалев

На сайте «Дети Селигера» Александр Яковлевич создал раздел в поддержку нашей книги и написал: «Не многие из коллег Гранта Александровича Генженцева могут записать в свой актив создание таких многочисленных и устойчивых во времени клубных разновозрастных сообществ. Может быть, только

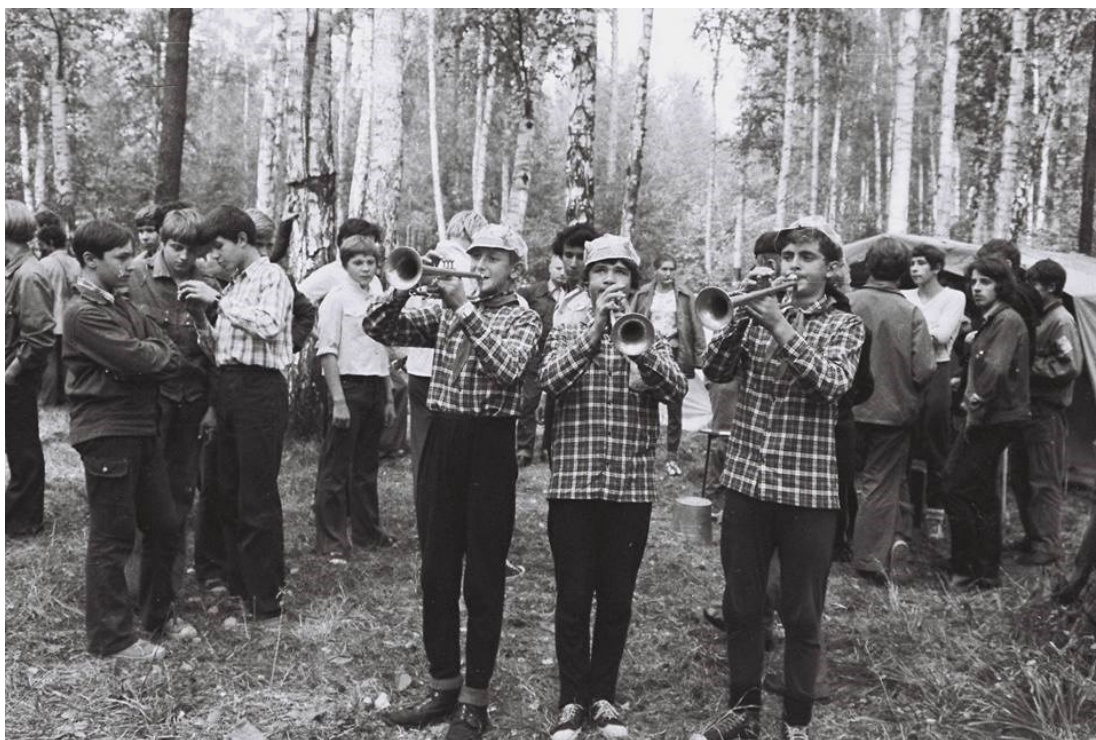
Виктор Яковлевич Дихтярев с его клубом «Вэ-Яки», и Матус Иосифович Крайман».

Когда обсуждали с Алексеем Чистяковым книгу и памятный знак Гранту, он признался, какую он в юности испытывал антипатию к пионерским лагерям с их помпезной атрибутикой – горнами, флагами, линейками, пионерскими галстуками. *«За всем этим стояла пустота и разгильдяйство. И мама упросила Гранта меня взять, потому что на лето девать особо было некуда, а в пионеры отказывался».*

Но ведь у Гранта мы тоже строились на линейки, поднимали флаги, трубили в горны... Значит, дело не в атрибутике, а в том, чем она наполнена. «Дух силен, а плоть слаба» ... Это известно.

«Про горны у Гранта не припомню, а вот содержание существенно отличалось: в противоположность перманентному безделью пионер. лагерей – осознанная необходимость тяжелого, совместного изнурительного труда, подкрепленная красотой родных просторов, самостоятельностью принятия решений, простотой и чистотой отношений мальчишек и девчонок, романтикой полузапретной поэзии и песен у костра. Поэтому и дух, и плоть, благодаря общим усилиям, были достаточно крепки и радовали своих обладателей. К тому же мы были просто бессовестно молоды...».

4 апреля 2017, 20 апреля 2017

Были горы, были. Вот – вещественное доказательство. Справа на дальнем плане – Виталий Сапогов и Женя Сахаров. Середина 1970-х

Чистяков Алексей Григорьевич

В 1964 – 1967 годах на воспитании у Гранта. Ныне – вице-президент Российского Союза химиков, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса, заслуженный химик Российской Федерации

Еще несколько фрагментов нашей переписки:

«В очередной раз «проглотил» Вашу книгу – как всегда – радостно!

Вместе с тем, разрешите предложить в эпиграфы некую компиляцию из романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»:

– Добрый человек, поверь мне ...

– Это меня ты называешь добрым человеком? Ты ошибаешься – сказал Пилат...– А теперь скажи мне, что это ты все время употребляешь слова «добрые люди»? Ты всех что ли так называешь?

Алексей Чистяков. Мартовский поход. 1967 года. Радость преодоления

– Всех, – ответил Иешуа, – злых людей на свете нет.

Ни в коем случае не настаиваю, просто приведенные Вами эпиграфы навеяли».

С уважением, А.Чистяков, 6 мая 2017

Есть над чем подумать. Такая цитата сродни «Корням неба» Романа Гари. Там главный персонаж отвечает примерно также. Когда ему сказали (цитирую по памяти): «Зачем ты тратишь время на этих людей! Это – пустые люди», он ответил: «Пустых людей не бывает».

Мне кажется, Грант был из того же состава. Ко всем он хорошо относился. Со всеми пытался ладить, все сглаживал. «Блаженны миротворцы». Его окружали самые разные люди. Однако он с ними работал... И каждый проявлял себя в своем ключе, но Грант принимал всех. И всех прощал...

Рядом с памятником А.С. Грибоедову после установочного сбора перед выездом на Кавказ. Слева направо: Мишиев Гена («Дед»), Алексей Чистяков («Физик»), Якушев Саша («Якушка»), Исаичева Таня («Бабка»), Грицевский Лева («Левка»), Петров Толя («Анька Морозова»). 1966 год

Таня Чистякова (слева). Середина 1970-х. Сестры и братья грантовцев приходили в кружок на год раньше.

«Ольга, доброе утро!

Несколько раз садился Вам написать.

Поводом к размышлениям была одна Ваша фраза в письме: «Но с моей, ограниченной, точки зрения, его окружали самые разные люди. Однако он с ними работал... Потом каждый из них проявил себя в своем ключе: кто-то достойно, а кто-то... Не мне их судить».

Дело в том, что предложенный в качестве эпиграфа текст в первоисточнике содержит еще один фрагмент:

– Это меня ты называешь добрым человеком? Ты ошибаешься. А Иуда, по-твоему, добрый человек? – спросил Пилат.

– Очень добрый и любознательный человек, подтвердил Иешуа, он высказал величайший интерес к моим мыслям, принял меня весьма радушно.

Некоторые читатели, оценивая этот диалог, сбиваются на взаимоотношения обычных людей и относят это высказывание к простодушию Иешуа, забывая, что перед ними – всевидящий Создатель, который, заведомо зная слабости Иуды, предоставляет ему право принимать решение. Он не настаивает, не грозит, а проповедует, в том числе на Тайной вечере. А люди делают выбор.

Так и Грант, принимая нас, маменькиных сынков из рук родителей, проповедовал чувства любви к ближним и окружающему нас миру, как должен вести себя мужчина, предоставляя нам право выбора. Кто-то уходил, но те, кто остались, сделали членами грантовского братства, на всю жизнь сохранив чувство крепкого плеча своих товарищей, в большинстве случаев никогда и не прибегая к их помощи, но зная, что они есть!

Чем дольше размышляешь, тем более очевидно понимание, как нам всем повезло (вне временн`ых рамок).

С уважением, А. Чистяков

P.S. Просьба заменить в тексте слово «спонсор» на «один из участников установки памятной доски». Это тем более верно, что многие из наших товарищей, включая тебя, положили на этот своеобразный алтарь столько тепла души, что мой вклад на их фоне выглядит достаточно скромно.

И второе. Если согласишься с первым, отправь, пожалуйста, после правки материалы Ежу (Sergei

Shtein) с предложением дополнить их своими воспоминаниями. Мне кажется, ему будет приятно, и он откликнется.

Представляется, что, постепенно, обрасая фактами и легендами, этот проект, в итоге, может вылиться в электронную историографию пласта жизни нескольких поколений активной московской молодежи 12-16 лет, начиная с конца 50-х до начала 80-х годов прошлого века – «Дети капитана Гранта».

9 мая 2017

Согласна со всем. И помогай нам Бог с «электронной историографией». Вместо «спонсора» напишем так: Памятный знак Гранту Александровичу на Селигере был установлен на пожертвования Алексея Григорьевича Чистякова. Ежу материалы отправлю. Буду рада, если откликнется.

Сходня. Лагерь 1966 год. Петров Толя, Мишиев Гена (отвернулся), Васильев/Shtein Сергей («Ёж»), Грицевский Лева, Чистяков Алексей

И снова – в памяти эпизод. Селигер 1973. Две недели беспробудно льет дождь. Все две недели Володя Либо и я дежури́м под дождем, готовим завтрак, обед и ужин. Новичков к костру не подпускаем. Дежурство в экстремальных условиях – дело «стариков». Ни капли лени. Весело. Работать – почетно, филонить – позорно. Одна из заповедей Гранта. К тому же я была завхозом по продовольствию.

Итак, мы невольно подошли к самому главному вопросу человеческой жизни: кто же есть мы (по отношению к Богу и другим людям)? Жены-мироносицы или разбегающиеся Апостолы? Благодетельный Иосиф из Аримафеи или трижды отрекшийся Петр? Припавший к груди Иисуса на Тайной Вечере Св. Иоанн, будущий Евангелист, или мучимый сребролюбием предатель Иуда...?

Послесловие

Как я уже упоминала, проект этой книги возник в ходе подготовки к 100-летию Гранта Александровича, которая началась зимой 2012 года. На сбор и обработку материала, в основном, фотографического, но и текстового, конечно, тоже, у меня ушло три года: 2014–2016. И еще осталась целая коробка неоцифрованных негативов.

Я записывала хронику событий с 2012 года, когда мы только начали собирать средства для приведения в порядок могилы Гранта Александровича и его семьи, и выкладывала материал на своей странице в Библиотеке

Мошкова в очерке под названием «День рождения, который длится 100 лет».

После открытия мемориальной доски начала оцифровывать фотоархивы наших инструкторов – Саши Стальнова (предоставленный мне его дочерью Женей) и Сергея Минделевича. Большой фотоархив представил Витя Гуревич на своей странице в одноклассниках, на фб и на нашем сайте Тур. клуб «Дети капитана Гранта». Тимур выложил на фб фотографии из архива Анатолия Киселева, а также – памятный всем 70-летний (и, увы, последний!) юбилей Гранта, подготовленный нашими ребятами.

Все это время я думала, что же лучше сделать: книгу или фотоальбом. Столько было терзаний, споров. На данном этапе проекта поняла: книга уже сформировалась, значит, нужно ее издавать, так как потом – кто знает: время неумолимо.

Что же касается значения личности Гранта Александровича для всех нас и в целом для истории детско-юношеского туризма в нашей стране, его переоценить невозможно. Все мы стали участниками уникального эксперимента, уникального отрезка времени – уникальными сделал их Грант. Не знаю, насколько этот материал будет интересен нынешним молодым людям, но то, что это – интересный отрезок истории нашей страны (почти полвека), не вызывает сомнений.

Поговаривали и о создании Музея детско-юношеского туризма имени Гранта Александровича во Дворце, причем, давно, задолго до подготовки к 100-летию. Но так как руководить тур. кружком во Дворце стало некому, то и создание такого Музея оказалось невозможным.

За эти годы, что я занималась проектами памяти Гранта Александровича, многие удивлялись и

спрашивали меня, почему, зачем я отдала этим проектам столько времени и усилий.

Я училась в двух общеобразовательных школах, в двух музыкальных школах, в двух группах в Ин. Яз'е, на Высших курсах переводчиков, также участвовала в семинаре художественного перевода при Союзе писателей СССР при Центральном доме литераторов.

Моими учителями были такие киты, как мой научный руководитель

Александр Владимирович Кунин (1909 – 1996) – крупнейший специалист по фразеологии английского языка, доктор филологических наук, профессор Московского лингвистического университета; проработал в нем свыше 50 лет и создал фразеологическую школу А.В. Кунина. Автор большого числа научных статей по фразеологии, фразеологической стилистике, переводу и лексикографии, автор известного «Англо-русского фразеологического словаря» и ряда учебных пособий по различным аспектам лексикологии, стилистики и фразеологии,

Илья Романович Гальперин (1905 – 1984) – крупнейший отечественный лингвист, лексикограф, специалист в области стилистики языка и лингвистики текста. Доктор филологических наук, профессор, составитель «Большого англо-русского словаря» (БАРСа),

Александр Давыдович Швейцер (1923 – 2002), доктор филологических наук, профессор, выдающийся лингвист-американист, педагог и практический переводчик с английского языка, один из основоположников отечественной теории перевода и создателей советской школы переводчиков-синхронистов,

Виктор Петрович Голышев (р.1937) – известный переводчик англоязычной художественной прозы.

Конечно, я им бесконечно благодарна: каждый из них, также и многие другие мои учителя, помогли мне стать профессионалом: лингвистом, преподавателем, переводчиком. На Высших курсах переводчиков у меня преподавали известные переводчики страны, в том числе синхронисты – Евгений Филиппов, Гелий Чернов, Лев Лямин, Наталья Серафимовна Стрелкова.

Все же благородный и благодатный образ Гранта Александровича занимает в моей душе особое место и будет освещать мой жизненный путь до конца. К тому же не отразить такую великую эпопею, почти в полвека, – преступление против истории. Кто-то должен был это сделать: судьба выбрала меня.

Осенний тур. слет. 1970-е. Грант и Маша Гороховская

Тур. слет. Середина 1970-х. «Ёж», Грант и Ира Ефимова

Если бы меня попросили назвать главное качество Гранта Александровича, я бы сказала: Человечность.

Когда в 2003 году я делала во Дворце выставку своих фотокартин памяти Гранта Александровича, директор Дворца, Ефимочкина Надежда Васильевна, дала интервью тележурналистам: «Может быть, именно там, когда звенела гитара и пели песни в искрах костра, она (в смысле, я) училась любить природу».

Да – Грант... и потом – Коктебель. Вот – две Вселенные моего вдохновения. Ну, и, конечно, вся мировая культура – поэзия, живопись, архитектура, музыка...

*Упасть в траву на полпути к вершине
и вспомнить юность...
Я тогда лежала
впервые
на спине,
в траве
и чувствовала
лето,
небо,
Вечность...*

И Жизнь вершила праздник свой во мне.

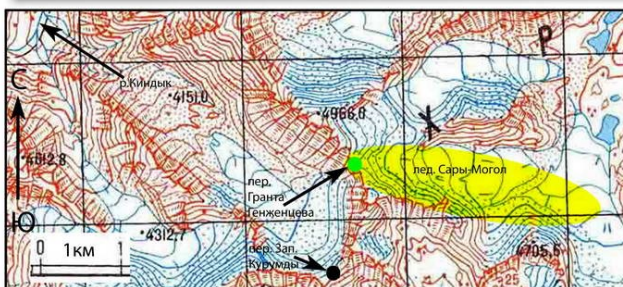
(Из моего Коктебельского дневника 1999 г.)

Р.С. В Кичик-Алае есть перевал, названный в честь Гранта Генженцева в 2006 году Сергеем Довженко. Перевал Гранта Генженцева.

Фото 5. Восточный склон перевала Гранта Генженцева, 1Б*-2А, 4720м.

(№74 на орографической схеме)

Первопрохождение совершено с востока на запад группой калужских туристов (рук. Довженко С.В.) 08.08.2006г

Фрагмент топогр.
карты J43-002
Сары-Могол.
Желтым цветом
выделен
приведенный
на фото 5 участок
подъема.

Описание участка пути:

Подъем на перевал с востока проходит по леднику Сары-Могол, волнообразно поднимающемуся к седловине. Максимальная крутизна не превышает 25°. В августе 2006г ледник был открыт до высоты 4700м. Опасных трещин не замечено. Группа шла без связок. Перед выходом на седловину есть узкий забитый снегом бергшруд.

Фото 8. Вид с перевала Гранта Генженцева (№74 на орографической схеме), 1Б*-2А, 4720м, на запад

Когда все только начиналось в 2012 году, в Интернете практически не было информации о Гранте, а теперь....

И, естественно, каждый, кто заходит во Дворец и видит у Зеркального зала мемориальную доску, тоже может заинтересоваться и набрать в google заветное имя – Грант Александрович Генженцев...

P.P.S. Как только я разослала текст книги из Библиотеки Мошкова, меня захлестнула волна претензий. Оно и понятно: у каждого – свой океан впечатлений, а тут я дерзаю...Таня Полетаева тут же вспомнила, как мы, оказывается, катались на водных лыжах на Селигере, и я в том числе (вообще не помню! Считала, что никогда не вставала на водные лыжи), а Володя Коновальцев поведал мне, как он с ребятами отправлялся подготавливать стоянку на Селигере к приезду лагеря.

Дорогие друзья! Дорогие грантовцы! Теперь, когда мы каждый год теряем одного друга за другим (в этом году от нас ушли Саша Берман, Игорь Черкасов, Танечка Трошина и Витя Гуревич, а в прошлом – Борис Тверской и Миша Сарайников), я была так рада услышать ваши голоса: глубокие басы, теплые баритоны, терпкие контральто, нежные сопрано – пусть с нотками обид, с оттенком недовольства, но все же – живые ваши голоса... Я так благодарна вам за то, что вы еще есть, вы себе не представляете! Но, дорогие мои! Не судите книгу сию по отпечаткам в вашем сознании. Эта книга – не более, чем мое восприятие великого грантовского и пост грантовского движения, всего лишь попытка снова окунуться в золото воспоминаний юности. Я никогда не задумывала ее как скрупулезное описание истории клуба, тем более как

отражение коллективной или чьей-то индивидуальной памяти – я не имею доступа к таким глубинам! Не обижайтесь, если кто-то остался неупомянутым. Мне просто хотелось еще раз выразить благодарность нашему учителю в связи с его 100-летием.

Правильно сказал Валера Кожин: «Надо издавать! Пусть кому-то не нравится, но пусть оно будет. Иначе не будет ничего»!

Я предлагала написать всем – откликнулось всего несколько человек. Но если у вас, дорогие мои грантовцы, есть желание сделать что-то свое, я думаю, все будут только рады.

И вообще... Все вышеизложенное – не более, чем публицистика. А Грант заслуживает романа. Собственно, для него уже и название придумано: «Колосья – в рост». Напишется ли?

Леша Руф прислал мне:

«Оленька, мне кажется, сразу после выхода книги нужно будет готовить второе издание! Ведь взявшим ее в руки захочется добавить что-то хорошее от себя – воспоминание, очерк, эссе, фотографию...) А потом, возможно, будет и третье! Ты умничка! Молодчинка»!

Руф Алексей Леопольдович – создатель и генеральный директор «Руфаудит». Председатель Совета директоров АКГ «Руфаудит/Инаудит Альянс

Годы у Гранта: с 1973 – по настоящее время (как он просил меня написать – О.С.-von В.)

27 сентября – 20 октября, 5 декабря 2016. Письмо от Алексея Руфа – 16 января 2017

Леша Руф 1975 г.

Леша Руф и Таня Осипова. Середина 1970-х

P.P.P.S.

Пока я писала книгу о Гранте и нашем тур. клубе, я все время думала: все, что мы пережили в лагере, в походах – восторг жизни на природе, радость

движения, познания, дружбы – все, что дарил нам Грант Александрович, – намного больше любого из нас и всех вместе взятых... И все это намного больше того, что мы можем выразить в словах, в значках, в памятниках, в мемориальных досках... И только старые фотографии наших инструкторов несут некий отблеск тех счастливых времен...

Конец января 2017

На горных лыжах в марте. Середина 1970-х. Чегет. Поляну Азау

После того, как нашу книгу опубликовали на сайте Российско–Армянских отношений «Наша среда»:
<http://nashasreda.ru/tur-klub-deti-kapitana-granta/>

(спасибо Виктору Коноплеву! – гл. ред сайта, и Бурустан Зулумян, которая порекомендовала нам обратиться в фонд Гюльбенкяна), Валера Кожин написал мне:

«Даже не знаю, что сказать... Эпитетов не хватает, как хорошо. Это не книга и не фотоальбом. Это просто, как в сказку окунуться. В сказку о нашем детстве. Поймет ли нынешняя молодежь, не знаю. Но почувствует, это точно! Очень нужное произведение получилось и для наших собственных детей (как сказка-сказание о детстве их родителей – каким оно может быть и должно!), и для учеников, кому повезло их иметь. Очень важно, чтобы они почувствовали, что, кроме денег и власти, есть еще огромный интереснейший мир со значительно более важными ценностями, жить в котором гораздо счастливее, чем в самом роскошном мешке с деньгами. СПАСИБО ТЕБЕ ОГРОМНОЕ! Сам не ожидал, что так выйдет».

*Родительский день в лагере на Сходне. 1972 г.
Валера Кожин (слева) и Женя Бабенко (справа) сражаются в шахматы*

«Спасибо огромное за удовольствие от воспоминаний!! Чем могу помочь»?

Александр Райгородский (Саша Питаев)

«Когда я рассказываю людям: «Нас было 70 подростков и трое взрослых, и все работало, как часы...» Грант создал для нас целый мир, свой мир, вокруг было по-всякому, а в этом мире царило добро и счастье».

Илья Лapidус

«Оля, огромное спасибо! До слез. На работе заглянула и забыла о времени. Какое счастье, что все это у нас было. И ты такая молодец, как только хватило терпения и сил... Фотографии получились очень хорошо, состаренные – и сразу такой мостик в тогда и там. Еще раз спасибо от всей души! Обнимаю.»

Люба Шейнина (Левина)

«Оля, книга – супер!!! Я окунулась в то далекое, но в то же время близкое детство, из которого никак не хотелось бы уходить...»

Алла Милованова (Южакова)

Алла Южакова. 1975 г.

«Ты так передала атмосферу! Спасибо тебе большое»!
Надя Пастушкова

«Помимо бардовских песен, все грандиозное
грантовское подвижничество являло собой по сути
внутреннюю эмиграцию». БЛЕСТЯЩЕ НАПИСАНО!!!
Ключевая фраза о нашем становлении».

Александр Кузнецов